

Ставропольская краевая библиотека для молодежи
имени В.И. Слядневой
Ставропольский литературный центр
Литературный фонд имени В.И. Слядневой

Писатели Ставрополя

И.Д. Сургучев

Предлагаемое издание, в которое вошли статьи журналистов, культурологов, писателей, а также сценарий и библиографический список литературы, для знатоков и тех, кто открывает для себя ставропольского писателя Илью Дмитриевича Сургучева.

Предлагаемые информационно-методические материалы помогут сотрудникам библиотек, учителям и всем, кто работает с подростками и молодежью, правдиво и искренне рассказать о непростой судьбе Ильи Дмитриевича Сургучева, не принявшего Октябрьскую революцию и эмигрировавшего в 1920 году, и пробудить интерес к его творчеству.

Библиографические записи изданий поэта расположены в алфавитном порядке названий его произведений, литературоведческие источники о творчестве писателя в обратной хронологии публикаций.

И.Д. Сургучев: информационно-методический материал / Ставропольская краевая библиотека для молодежи имени В.И. Слядневой, Ставропольский литературный центр, Литературный фонд им. В.И. Слядневой; сост. Т.Н. Василенко, Н.В. Машукова; отв. за вып. Л.Ф. Игнатова. – Вып.23. – 2-е изд., доп. Ставрополь, 2021. – с.69

Ответственный за выпуск: Л.Ф. Игнатова
Тех. редакция и верстка: М.В. Игнатов

От составителей

16 февраля 2021 года исполнилось 140 лет со дня рождения известного русского прозаика, драматурга, публициста, уроженца города Ставрополя, воспитанника Ставропольской духовной семинарии Ильи Дмитриевича Сургучева, жизнь и деятельность которого заслуживают пристального внимания и доброй памяти соотечественников.

Ставрополье, родной, любимый город Ставрополь всегда были источником вдохновения для писателя, здесь он опубликовал первые рассказы в газете «Северный Кавказ», а в дальнейшем запечатлел жизнь русского провинциального общества, описал быт и нравы родной стороны конца XIX – начала XX века.

Сюжеты его рассказов, а также повестей «Губернатор» и «Мельница», пьес «Осенние скрипки» и «Торговый дом» были навеяны подлинными событиями, произошедшими в Ставрополе. Пьесы Ильи Дмитриевича с большим успехом ставились в лучших театрах России: Александрийском – в Петербурге, Малом и Художественном в Москве, а также в Ставрополе, Одессе, Ростове-на-Дону и за рубежом. Его имя ставили наравне с такими известными писателями как Бунин, Андреев, Куприн.

Но писатель не принял Октябрьскую революцию и эмигрировал за границу. Его коллега И. Мартыновский-Опышня вспоминал о И.Д. Сургучеве: «В эмиграции он не стал пессимистом, нытиком, как все писатели, оторванные от России, бодрость духа во всем, до последней минуты сохранил он».

Илья Дмитриевич все же вернулся в горячо им любимый город. Вернулся в своих произведениях с их философскими размышлениями, лиризмом, чувством природы, милыми женскими образами, с его мечтами о жизни «ясной и легкой, прекрасной и счастливой». Душа писателя витает над улицами и бульварами Ставрополя, ведь никто лучше не рассказал о них.

И всеяют оптимизм оказавшиеся на удивление актуальными написанные И.Д. Сургучевым незадолго до смерти строки: «...И не было ни войн, ни революций. Стоит, как град Петров, Россия и никакие врата адовы не одолеют ее».

Биография Ильи Сургучева //
Ставроп. правда. – 2015. – 18 сент.

Илья Сургучев (1881-1956) – русский прозаик, драматург. Родился в семье разбогатевшего крестьянина, переселившегося в город. Родители мечтали видеть сына Илью священником и определили его в духовное училище, а затем в Ставропольскую духовную семинарию. Далее предстояло продолжить духовное образование в Московской академии. Но он поступает в Санкт-Петербургский университет на факультет восточных языков. По окончании, в 1907 году, ему предложили остаться на кафедре, но он отдал предпочтение литературной деятельности и возвратился в Ставрополь. Здесь Илья Дмитриевич был одним из организаторов издания журналов «Ставропольский сатирикон» и «Сверчок». Начал печататься в студенческие годы в ставропольской газете «Северный Кавказ», в петербургских журналах «Вестник Европы», «Журнал для всех» и др.

В 1912 году в сборнике «Знание» (№ 39) вышла повесть «Губернатор», имевшая большой успех. В 1913 году в Александринском театре Петербурга была поставлена первая пьеса «Торговый дом» с Марией Савиной в главной роли. По просьбе присутствовавшего на спектакле Константина Станиславского следующую свою пьесу «Осенние скрипки» Сургучев в 1915 году передал в Московский художественный театр.

Резко отрицательно восприняв большевистский переворот, примкнул к Белому движению. С войсками генерала Врангеля переехал в Крым, где издавал собственную газету. В 1920 году с частями белой армии добрался до Константинополя, жизнь в котором нашла отражение в написанной здесь пьесе «Реки Вавилонские». В 1921 поселился в Праге, сотрудничал с литературными и театральными эмигрантскими кругами. В организованном им русском театре были поставлены «Осенние скрипки» и «Реки Вавилонские».

В 1924 переехал в Париж и с 1925 года до конца жизни печатался в журнале «Возрождение». С 1930 года вел отдел прозы и очерка. Опубликовал в журналах «Возрождение», «Грани» и др. множество рассказов и очерков на темы жизни русской эмиграции и воспоминания о Северном Кавказе и студенческих годах; издал сборник «Эмигрантские рассказы» (1927), роман «Ротонда» (1952), повесть «Детство императора Николая II» (1953). Работал в последние годы над пьесой «Вождь» о Сталине: существует легенда о том, что Сталин в молодости, скрываясь от полиции, служил в доме отца

Сургучева лакеем-поваром. Отрывок из этой пьесы под названием «За чахохбили» опубликовал в журнале «Грани» (1954, № 20).

В Париже в 1942-м основал «Театр без занавеса», в котором в течение двух лет ставились пьесы, скетчи, водевили, оперетты, балетные интермедии, выступали певцы и певицы, скрипачи и пианисты, блистали актеры из театра Никиты Балиева «Летучая мышь», сам Сургучев читал свои рассказы и играл в пьесе Аркадия Аверченко «Старики». В Париже несколько раз ставилась пьеса «Осенние скрипки», существует ее экранизация на французском языке. В конце жизни задумал роман о русской жизни «Ночь», действие которого должно было охватывать период от начала века до событий послевоенного времени; отрывки романа публиковались в журнале «Возрождение». Рассказы и пьесы переведены на иностранные языки, пьесы ставились в Германии, Скандинавских странах. Похоронен на парижском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Илья Дмитриевич Сургучев

Фокин А. А.,

доктор филологических наук

Вхождение в творческую лабораторию всякого крупного писателя — долгий и многотрудный путь, по которому зачастую проходит не одно поколение исследователей. Независимо от того, начинается оно параллельно с публикацией неизвестных ранее текстов изучаемого автора или предпринимается в отношении литератора, чьи сочинения были почти полностью опубликованы при его жизни, — это неизбежный этап для истории литературы, как бы притягивающей еще вчера современного, а иногда запретного или полузабытого писателя в свое сохраняющее поле. Никакое подведение итогов, каким могло бы стать издание обстоятельной биографии или академического собрания сочинений такого автора, невозможно без подготовительной работы источниковедческого характера, высший смысл которой состоит, на наш взгляд, в уяснении творческих принципов анализируемого писателя. Эти принципы выявлены нами как через историю текста его произведений, так и путем уточнения биографических и литературных источников сочинений, вышедших из-под его пера. Кроме того, изучение таких источников стало для нас важнейшими

биографическими источниками, а когда речь заходила о творческой истории произведений или же об установлении литературной истории или происхождения того или иного сочинения Сургучева, то едва ли не самыми значимыми.

Публикации последних лет, в том числе архивные, существенно скорректировали представление о литературном процессе русского зарубежья, о роли в нем отдельных писателей. И хотя «белые пятна» в исследованиях этого огромного пласта русской литературы все еще преобладают, актуализируя изучение литературы эмиграции, наше внимание в равной степени было сосредоточено и на изучении дореволюционного периода жизни И.Д. Сургучева, что представляется в настоящий момент и закономерным и своевременным: снятие целого ряда идеологических установок и хронологических рамок дало возможность постигнуть весь творческий путь писателя-эмигранта, одного из представителей так называемого старшего поколения, не считаясь с конъюнктурными соображениями. Ведь он, как и многие другие писатели, вошел в литературу на рубеже веков, тогда же формировались его эстетические вкусы, определялась идеологическая позиция и складывалась литературная репутация. Другими словами, эмигрантский период жизни и творчества И.Д. Сургучева осмыслен нами только с учетом доэмигрантского периода.

Еще в 1898 году в газете «Северный Кавказ» Сургучев, по его собственным словам, «напечатал свою первую повесть под титулом: «Из дневника гимназиста». С одной стороны, он указал на самую формулу своего творческого метода, раз и навсегда найденного в чистоте и непосредственности юношеских сублимаций и интенций; с другой, - назвал исток прямого, пусть не безоблачного, писательского пути наверх, то есть версию собственной биографии, с течением времени все усложнявшуюся и модифицировавшуюся, но все же обладавшую определенными константами.

Антропологическое понимание литературно-художественного творчества как объективации внутренних (экзистенциальных) сил автора позволило увидеть в ранних (1898-1910-го годов) произведениях Сургучева (а это преимущественно рассказы, отличающиеся, как и последующие произведения, высокой степенью

достоверности и рефлексии молодого писателя над возможными вариантами собственной судьбы, своего будущего, и способы отражения эмоциональных состояний, которые оформились в ранний период творчества и использовались им на протяжении всей жизни.

В ранних произведениях Сургучев описывает жизнь, любит мелочами, подчеркивая ценность жизни самой по себе. И это стало его художественной находкой. В этом ключе подробно рассмотрены рассказы писателя «Счастье», «Смерть», «Соседка» и др., в которых репрезентирована им изменившаяся относительно писателей-предшественников философия времени, безучастного к повседневности и судьбе частной человеческой жизни. Именно время, влияя на писателя, побуждало его к соучастию и состраданию персонажу.

Интенциональное содержание авторского сознания (направленность сознания на те или иные сферы бытия), воплотившееся в этих рассказах, определяется, по нашим наблюдениям, соотношением «я» и мироздания, «я» и смысла человеческой жизни; а также сопоставлением «я» и человеческой истории, «я» и предметно-природного мира. Попытки рационального объяснения писателем своего мировосприятия сведены, как удалось установить, к повторяющейся авторской идеологеме, наиболее ярко сформулированной им в одном из писем М. Горькому: «Тема о споре смерти и бессмертия, - одна из трагических и мучительнейших для меня тем». В связи с этим, Сургучевым была сформулирована некая писательская сверхзадача, во многом объясняющая причины его решения оставить научную и дипломатическую карьеры и стать писателем: «Теперь, как никогда, нужно особенно кричать о человечности, о примирении меж собой.». Сказанное подтверждается подробно анализируемыми данными метапоэтики И.Д. Сургучева.

В анализе художественных текстов писателя мы исходили также из того, что иеротопическим пространством биографии И.Д. Сургучева является «ставропольский текст», затронув довольно сложный вопрос о природе влияния архитектуры на человеческое сознание. Установлено, что на Сургучева -человека и художника - оказывало влияние храмовая архитектура, своеобразие типа застройки города

Ставрополя, восхищавшего его симметричной строгостью линий, подчиненностью ландшафта человеческой мысли. Это во многом предопределило отточенность гармонической формы произведений писателя. Так, повесть «Губернатор» предстает неким глобальным храмовым сооружением, со своим входом в святая святых, с центром в образе Кафедрального собора и «Царь-звонницы» на Крепостной горе, «пределами» социально-политической и культурной жизни, «алтарем» духовной крепости и богопочитания простых горожан. Отдельные лирические миниатюры, словно арки, соединяют между собой весь архитектурный ансамбль повести и держат на себе ее своды с их точно выверенной центростремительной динамикой, которую вершит всеупреждающий колокольный звон, огонь негасимых лампад и крест - символ города, символ поправшей смерть жизни.

Изучение семантики ряда «зодческих образов» его произведений в соотнесенности с архитектурой города Ставрополя как доказательства реализации скрытого автобиографизма, проявленного через внимательное отношение писателя к деталям, дало возможность прийти к выводу, что сделав родной город абсолютной доминантой своего духовного мира, Сургучев-художник «надстроил» над его природно-архитектурным ландшафтом «метафизику», наделил город таинственной мифологией.

Приводятся и подробно анализируются факты театральной и кинематографической деятельности писателя, начиная с подробно восстановленной истории создания и постановочной судьбы пьес «Торговый дом», «Осенние скрипки» и появления первых его сценариев на Берлинской киностудии в феврале 1921 года и съемок по одному из них режиссером Яном Гутером фильма с симптоматичным названием — «Первый» и реализации инициатив по созданию в Константинополе первого на «турецком берегу» Русского Драматического театра, открывшего сезон спектаклем по его пьесе «Осенние скрипки», и кончая периодом работы Сургучева в оккупированном Париже в качестве директора «Театра без занавеса» и анализом его последней послевоенной пьесы «Вождь».

Как удалось установить, пьесы И.Д. Сургучева основанные на жизненном опыте, весьма своеобразные по тематике и способу

воссоздания действительности, по жанру и стилю, имеющие в основе своей антропософский конфликт, входили в репертуар практически всех русских театров, были основой успеха многих эмигрантских антреприз, ставились в лучших европейских театрах. «Проверка зрителем» показала, что пьесы Сургучева, раскрывающие глубину человеческих взаимоотношений, помогающие пережить духовный кризис, любимы публикой до сих пор. Драматургия стала своеобразным инструментом психологической борьбы писателя с человеческими пороками, за сохранение самобытности культуры русского народа и памяти об уходящей в небытие России, биографической симфонией любви и боли, жизни и смерти. В этой связи впервые введена в научный оборот пьеса Сургучева «Игра», ставшая гимном русскому человеку.

Как показал анализ пьес, стилистическая составляющая традиции Сургучева зиждется на мире объектов, включенных в ритуал. Вещи в его представлении - это священные реальности, знаки священных ликов, отражаемых в мире, с помощью вещей автор являет мир человека. Именно поэтому произведения писателя (особенно его пьеса «Реки вавилонские» и другие произведения эмигрантского периода) лишены проявленного индивидуализма и авторского субъективизма. Но все же они автобиографичны, поскольку голос автора-субъекта в них - это голос объективного мира, сообщающий вещам и людям форму жизни и движения.

Сургучев стремился отражать в своих произведениях внешние, выпуклые явления жизни, обнаружения, которые верно схватывал • своим зорким писательским глазом, именно это определило для него возможностью прорыва в мировую литературу. Так, идея возвышения человека, его автономности в мире, по отношению к животному царству, репрезентация семейных духовно-родовых начал обусловили проблемно-тематическую доминанту художественного видения Сургучева, антропологические принципы в подходах к изображению мира, личности, новаторские интенции в области жанра и стиля. Такие понятия, как «высшая причинность», «непостижимая связь», «безмерное всеединство» и «священное безмолвие», в различном метафорическом обрамлении, многократно обнаруживают себя в

едином смысловом пространстве его литературных творений, грандиозность метафизического смысла которых, позволяет понять, что Сургучев «священнодействует в слове», мыслит герметически и философски, проникая в необозримые глубины сакрального, куда читателю порой так нелегко последовать вслед за ним.

Итак, в чем заключается особое очарование творческой личности И.Д.

Сургучева, его произведений, поражавших рядового читателя и зрителя? Нашу версию ответа мы предложили в данной диссертационной работе, рассматривая произведения Сургучева в контексте исканий этой незаурядной личности и творческой биографии писателя. Большие усилия литературоведов-исследователей, историков, культурологов, краеведов просто подвижников и любителей литературы, наша собственная поисковая работа, стали основой исследования, благодаря которому прозаик и драматург, долгое время считавшийся аутсайдером литературного процесса XX века, ныне справедливо предстает одной из ключевых его фигур.

Однако в полном объеме творчество писателя остается не исследованным, что определяет перспективность нашей работы. Наследие Сургучева насчитывает более двух десятков книг и около трехсот журнальных и газетных публикаций, содержащих произведения объемом от нескольких строк до 300 страниц. В России, Сургучев известен, прежде всего, как автор повести «Губернатор» и пьесы «Осенние скрипки» в одночасье сделавших его знаменитым, а также широко растиражированной в последние годы, в связи с возросшим интересом к семье последнего русского царя, повести «Детство Императора Николая II». Вполне закономерный читательский и зрительский (когда речь идет о пьесах) интерес не вызвал до сих пор равноценного интереса у исследователей. Не все еще сделано для того, чтобы творчество этого замечательного, примечательного и оригинального во всех отношениях прозаика и драматурга стало доступно широкой читательской аудитории и научной общественности. Главное, чего не хватает сегодня - книг с произведениями писателя и изданий, популяризирующих его наследие.

Процесс возвращения произведений Сургучева читателю начатый всего два десятилетия назад, еще далек до завершения. На полках российских библиотек должны быть представлены не только тексты Сургучева 1910-х годов, но и роман «Ротонда», который, по словам философа и литературоведа М. Гофмана, «знает весь литературный мир», роман «Ночь», повести «Мельница» и «Черная тетрадь», «Эмигрантские рассказы», мемуарные очерки и публицистика писателя. На сценах театров должна идти не только самая известная его пьеса «Осенние скрипки», но также драмы «Торговый дом», «Реки вавилонские», «Рука Бетховена», «Три часа», «Игра», «Вождь», одноактные пьесы («Троицын день», «Пять минут» и др.). Публикации произведений писателя с научным комментарием, безусловно, отразятся на объективной оценке его статуса в русской литературе, на оживлении и читательского и зрительского интереса к его творчеству.

Работа в этом направлении уже сегодня дает плоды: имя писателя-ставропольца все больше привлекает туристов и отдыхающих, приезжающих на Ставрополье и Кавказские Минеральные Воды, произведения И.Д. Сургучева включены в школьные и вузовские курсы как обязательный компонент по истории, литературе, национальной (региональной) культуре; создаваемые в Ставрополе «институты памяти» - музеи, постоянно действующие экспозиции, мемориальные комплексы, туристические маршруты, связанные с его жизнью и творчеством, обретают общенациональный характер. В его честь названа одна из улиц города Ставрополя, на доме где Сургучев долгое время жил и сложился как писатель, ныне установлена мемориальная доска, в Ставропольском государственном университете проводятся, став традиционными, международные и региональные научно-практические конференции «Сургучевские чтения».

Однажды Илья Дмитриевич заметил: «В каждом художнике в какой-то мере есть пророк, и потому только будущее оценит его». Думается, что это будущее пришло. Для этого необходимо решить целый комплекс задач по возвращению на родину произведений и архивов И.Д. Сургучева и организации работ по их изданию; по вовлечению широкой научной общественности в изучение биографии, творческого наследия писателя в контексте русской культуры и

литературы XX века; по активизации научных кругов Южного федерального округа для освещения журналистской и общественной деятельности И.Д. Сургучева в регионе; по изданию научных трудов, основными проблемами которых нам представляются изучение наследия И.Д. Сургучева в контексте феномена реалистической, и в частности «знаньевской», прозы и драматургии, ведущих жанрово-стилевых тенденций русской литературы метрополии и диаспоры в XX веке.

Илья Сургучев: факты биографии на страницах архивных документов

*Калугина К., главный археограф
Государственного архива Ставропольского края*

Произведения выдающегося ставропольского писателя Ильи Дмитриевича Сургучева возвратились к читателям всего два десятилетия назад. Более шестидесяти лет его имя было вычеркнуто из истории русской литературы.

Большинству любителей русской словесности творчество Сургучева и сегодня мало известно. При том, что литературный талант И.Д. Сургучева ставился его современниками в один ряд с А.П. Чеховым, А.И. Куприным, И.А. Буниным.

Отец писателя переехал в Ставрополь из Калужской губернии. Его женой стала С.П. Маковозова. В семье было четверо детей: Илья, Иван, Серафима и Елизавета. В Государственном архиве Ставропольского края хранится метрическая книга Троицкого собора города Ставрополя, в которой имеется запись о рождении 16 февраля 1881 года Ильи, сына Д.В. Сургучева.

Рассказы Ильи Сургучева уже в годы его обучения в гимназии публиковались в ставропольской газете «Северный Кавказ». Родители мечтали видеть Илью священником и после окончания гимназии определили его в Ставропольскую духовную семинарию, после планировали отправить на обучение в Московскую духовную академию. Но Илья Дмитриевич поступил в Санкт-Петербургский императорский университет на восточный факультет: ему легко давались иностранные языки, он хорошо владел французским и немецким языками, в совершенстве монгольским и китайским.

В 1904 году рассказы Сургучева стали печататься в столичных изданиях. Он писал их в «Журнал для всех», «Вестник Европы», «Театр и искусство». Его произведения попали в поле зрения литературоведов и критиков, которые отмечали особый психологизм, импрессионистскую манеру его письма.

После окончания университета в 1907 году Сургучев вернулся в Ставрополь. Здесь он стал одним из организаторов издания художественно-сатирических журналов «Ставропольский Сатирикон», «Сверчок», «Наш альманах», где проявился его талант сатирика. В Государственном архиве Ставропольского края хранится рукопись сатирической статьи «Говорят», за которую писателя обвинили в оскорбительном отзыве о должностном лице.

Сургучев активно занимался общественной деятельностью, он являлся гласным Ставропольской городской Думы, председателем железнодорожной комиссии. Как свидетельствуют архивные документы, 21 июля 1910 года состоялось заседание железнодорожной комиссии при Ставропольской городской Думе по вопросу об избрании председателя комиссии. В протоколе заседания говорится: «на баллотировку были поставлены И.П. Меснянкин и И.Д. Сургучев». По результатам голосования Сургучев получил шесть голосов «за», один «против» и был избран председателем. Будучи в этой должности, он отстаивал идею строительства новой линии Армавир – Ставрополь – Петровское (ныне Светлоград) в составе Армавир-Туапсинской железной дороги, которая начала строиться в 1909 году. В Государственном архиве Ставропольского края имеется заявление И.Д. Сургучева в Ставропольскую городскую управу о возбуждении ходатайства о проведении дороги через город Ставрополь. В документе говорится о том, что город несет убытки без железной дороги, необходимой для вывоза местного зерна к черноморским портам. В 1912 году Акционерное общество Армавир-Туапсинской дороги получило разрешение на строительство участка Армавир – Ставрополь – Петровское.

При строительстве «Туапсинки» применялись новейшие технологии строительства инженерных сооружений. Сохранившиеся пролеты разрушенного участка Ставрополь – Армавир являются одними из самых старых бетонных балочных мостов в России. К сожалению, дорога была закрыта в 1922 году.

В 1912 году вышла повесть Сургучева «Губернатор». Прототипом главного героя повести стал губернатор Н.Е. Никифораки. За основу были взяты нравы провинциального купечества и образ Ставрополя:

Николаевский проспект с «дремлющим густым зеленым бульваром, Ташлянское предместье, губернаторский дом, сад Иоанно-Марьянского монастыря... Роман получил положительную оценку М. Горького.

В 1915 году Сургучев по заказу К.С. Станиславского написал для Московского художественного театра пьесу «Осенние скрипки», которая завоевала большое признание, была поставлена во многих театрах страны, в том числе на сцене Московского художественного театра В. Немировичем-Данченко.

В Государственном архиве Ставропольского края хранятся копии типографских экземпляров рассказов Сургучева, готовившихся к изданию в 1915 году в Москве: «Седельников», «Английские духи», «Следы вчерашнего», «Прихожане прелестной Мариэтты», «Кровь цветов», «Еленучча» и «Путь звездный».

Ставрополь дал Сургучеву богатый художественный материал. Многие его произведения стали своего рода летописью жизни этого города.

Революцию 1917-го И.Д. Сургучев не принял. В памфлете «Большевики на Ставрополье», изданном в 1919 году, он писал о том, как губернский Ставрополь захлестнула волна «красного» террора. Писатель считал, что русский человек заболел «страшной болезнью, он начал осквернять свою землю, свои храмы, убивать своих родных...».

В 1920 году Илья Сургучев навсегда покинул Россию. Вначале он жил в Константинополе, а в августе 1921 года из Турции переехал в Прагу, где стал одним из руководителей Русского камерного театра, поставившего все его пьесы, и членом созданного здесь Союза русских писателей и журналистов (вместе с М. Цветаевой, А. Аверченко и другими эмигрантами). Этот период жизни писатель отразил в пьесе «Реки Вавилонские», поставленной на сценах Парижа, куда впоследствии переехал. В Государственном архиве Ставропольского края имеется машинописная копия пьесы, изданной в Париже в 1922 году. Пьеса «Реки Вавилонские» о судьбах людей, разных по своему социальному, национальному происхождению, уровню образования, воспитания и культуры, обреченных на эмиграцию.

В 1928 году в Париже вышел роман «Ротонда». Так назывался парижский ресторан, где собиралась литературная богема. Здесь были опубликованы «Эмигрантские рассказы», этюды о Тургеневе, Флобере, повесть «Детские годы императора Николая II».

Помимо литературной деятельности, Сургучева привлекал театр. В Париже на улице Гужон он создал «Театр без занавеса», где шли водевили, миниатюры, балетные интермедии, выступали певцы и музыканты, писатели и поэты.

Драматургия Ильи Сургучева в переводах ставилась на иностранных сценах, например, пьеса «Письма с заграничными марками» шла в Королевском театре в Стокгольме, в Национальном театре в Осло и в Берлинском театре драматурга Кайзера.

В эмиграции Илья Сургучев избирался председателем Союза русских писателей. В последние годы жизни являлся литературным советником журнала «Возрождение».

Скончался И.Д. Сургучев 19 ноября 1956 года. Похоронен на «русском кладбище» Сен-Женевьев-де-Буа в предместье Парижа. На могильной плите начертаны слова из его любимой пьесы «Осенние скрипки»: «...флейты весны, трубы лета...».

Перелистывая страницыстарой книги

Орудина Л. Г. (1983 г.)

Первая русская революция, всколыхнувшая самые широкие массы народа, оказала глубокое влияние на развитие передовой реалистической литературы, во главе которой стоял Алексей Максимович Горький. Многочисленный отряд писателей, находившийся в период пролетарского освободительного движения в русле могучего творческого влияния Горького, сосредоточился вокруг книгоиздательского товарищества «Знание». Основное ядро знаньевцев составляли крупные мастера художественного слова: А. С. Серафимович, А. И. Куприн, И. А. Бунин, Л. Н. Андреев и др. К знаньевцам в 1910-1913 гг. примыкал и ставропольский писатель Илья Дмитриевич Сургучев.

В 1910-1913 гг. «Знание» издало два тома его рассказов, а в 1912 году в 39-м томе «Сборника товарищества «Знание» с одобрения и при содействии А. М. Горького и И. А. Бунина была напечатана повесть «Губернатор», отразившая жизнь губернского города Ставрополя в эпоху революции 1905 года.

Повесть написана в лучших горьковских традициях критического реализма. Можно с уверенностью сказать, что «Губернатор» писался не без воздействия и помощи Горького. Алексей Максимович первый в 1911 году ознакомился с рукописью повести и дал ей высокую оценку.

В письме И. Д. Сургучеву в Ставрополь от 19-20 декабря 1911 года Горький писал: «Дорогой мой Илья Дмитриевич! Сейчас прочитал конец «Губернатора» и отправил рукопись обратно Миролубову. Мне кажется, Вы написали весьма значительную вещь, и несомненно, что Вы большой поэт, дай Вам боже сил, здоровья и желаний! Еще раз скажу – человечно написано, матерински мягко, вдумчиво... Взволновал меня Ваш «Губернатор», с головы до пят взволновал»...

В «Губернаторе» И. Сургучев затронул комплекс вопросов, глубоко волновавших многих писателей-реалистов: добро и зло в сферах общественного бытия губернских городов России – родных братьев горьковского городка Окурова, застой провинциальной жизни, засасывающей и убивающей все живое, светлое; трагическое одиночество страдающей человеческой души; смерть, любовь, красота; отношения между простыми людьми и стоящими у власти; подъем демократических настроений народных масс, их протест против политического гнета, общественных государственных порядков, порождающих косность, бездушие, деспотизм.

В центре повествования – образ губернатора, в прошлом – стража и ревнителя реакции, решительного, не знающего сомнений, «уверенного в своей правоте, силе и непоколебимости» властелина губернии, теперь же – обреченного на смерть человека.

Читатель знакомится с губернатором в тот момент, когда он, смертельно больной, возвращается в город с курорта, чтобы здесь в одиночестве прожить остаток своих дней. И в эти наиболее мучительно-сложные мгновения жизни губернатор заново переосмысливает прожитые годы, пытается оценить их и найти наконец «правду жизни». Неизбежность надвигающегося конца заставила его по-новому увидеть мир и себя в нем: «Стало ясно, что перед смертью нужно исправить все зло, которое он делал на земле. Эта мысль как неожиданным огнем охватила его душу, его мозг и твердым горячим шаром прокатилась внутри по всему существу. Надо было сейчас же броситься в жизнь, как в текущую воду, и что-то делать, что-то исправлять, что-то спасать... Если бы протянуть еще год, полтора! – думал губернатор, не слезая с остановившегося фэтона. – Господи!.. Дай мне почувствовать себя иным, не скверным, не грязным, не жестоким».

В голове губернатора чередой проходят воспоминания его неправильно прожитой жизни. Несчастья, которые он причинил близким, которые произошли по его вине в городе и губернии, не дают ему покоя ни днем, ни ночью. От прежних устоев и понятий, от

мнимой его славы и могущества не осталось ничего, кроме внутренней тревоги, жгучего стыда и позора от своих поступков, породивших произвол, насилие, уничтожение человеческой личности.

Когда-то, в момент неуправляемой, неудержимой ярости, в селе Далеком, где бунтовали мужики, губернатор ударом ноги в живот убил безземельного и нищего крестьянина Волчка, «перепорол всю Кистеневку... из двора во двор», и эти трагические события навсегда лишили его покоя. Мысленно беседуя с неродной дочерью Соней, губернатор раскрывает свое душевное терзание: «У меня болит, сильно болит душа, Сонюшка. Я измучился. Я убил ногою человека, Сонюшка; он корчился на земле, как червяк. Теперь перед смертью я почувствовал правду жизни; вот она где-то близко от меня, но где она, – своим стариковским испорченным умом понять не могу. Я живу, как птица, у которой выкололи глаза».

Пелена, укрывавшая взор губернатора от истинной природы всего окружающего, спадает постепенно, и ему открывается мир доселе неведомой стороной. Его разбуженная совесть обостренно видит, что он защищал устои, где «втихаря драли натурой с купцов», а среди «правоверных ревнителей порядков» оказываются хапуги, «растратчики казенных сумм», взяточники, лихоимцы. В конце повести губернатор решил освободить из тюрем всех заключенных, а сам приготовился идти за это в Сибирь.

Образ губернатора, к концу жизни осознавшего неминуемость кары за преступления против справедливости, человечности, добра, наполнен большим трагическим смыслом.

В повести Сургучева запечатлена жизнь русского провинциального общества конца XIX – начала XX вв. во всем многообразии сословий, профессий, социальных групп: чиновничество, мещанство, купечество, мелкий городской люд. Со всей откровенностью и прямоотой автор раскрывает в своих героях темноту, забитость, жестокость, доходящую до животных, звериных форм проявления. Хладнокровный убийца, садист Пыпин отбивает внутренности у заключенных, а по вечерам в пьяном бреду подсчитывает свои жертвы («Зайцева убил. Учителя Емельянова убил. Поляка Пташевского, псякрю, убил...»); выдает девушкам желтые билеты помощник полицмейстера омерзительный Крыжин; а сам «загадочный» и «таинственный» для окружающих полицмейстер, на совести которого расстрел группы рабочих, берет взятки, «о которых даже в газетах пишут»; коверкает от скуки русские слова алчный, корыстолюбивый, с юркими прыгающими глазками архиерей Герман,

«про скупость, льстивость и угодливость которого знала вся губерния»; лакейски раболепствует в тайной злобной приниженности ротмистр Клейн, который и «на губернатора донести может, может убить кого угодно, если это будет выгодно»; доносят друг на друга чиновники, и эти, же «образованные люди десятки раз могут переругаться меж собой из-за неправильно поданного валета, а в биллиардной из-за того, как правильно произнести игорный термин – круазе или краузе – разбивают друг другу черепа».

Сурово разоблачает Сургучев торговые спекулятивные сделки, нечестный, зачастую кровавый путь наживы местных богатеев, именитых купцов города – Теряевых, Алексеевых, Каргузиных, Канаджиевых, Петри.

«— Алексеевы-то? – рассказывает трактирщик Иван Васильевич, – знаем мы, с чего богатеть пошли эти Алексеевы! Казначейство-то Трынкевич ограбил в 68 году? Ну? А дед-то их, Алексеевых, в те поры извозчиком был? Кто увозил Трынкевича с деньгами? Ну? Вот то-то и оно! И смекай. С того самого и пошло оно, это самое богатство...

А Теряевы? Вели торговлю в степях, с калмычьем. Калмык-то... цены деньге не знал и не понимал. Даст в лавке четвертной билет, а сдачу с трешницы получит. Заартачится калмык, – в шею из лавки, по мордасам! Такие ребята, нарочно звери, для этого дела и держались. Пошел калмык к начальству, – там свой народ, одна чашка-ложка. Еще добавят... И носи, калмычина, на здоровье!»

Недаром суровый и строгий поборник правды солдат Свириин все время горестно повторяет: «Земля от крови черна, кровью человеческой вся пропиталась».

Жестокость, грубость и пошлость провинциальной жизни Сургучев подчеркивает даже в характеристике уездов Ставропольской губернии: один из уездов славится воровитостью, другой – драчливостью, третий – убийствами, пьянством и снохачеством.

В центре внимания ставропольских обывателей – наиболее «выдающиеся» события города: пожары (сгорела Егоровская лесная биржа), экстравагантные выходки мещан (грузчик Васо из трактира «Мадрид» откусил кончик носа жулику; трактирщик Иван Васильевич из ревности зарезал бритвой жену; отравился около каменной беседки нашатырным спиртом секретарь городской полиции, обвиненный в растрате).

Однако сквозь толщу мрачных явлений в жизни губернского города Сургучев разглядел людей, ищущих выход из этой жизни, вступающих на путь борьбы с косностью, жестокостью, темнотой.

Солдат Свирин – открытая, честная русская натура, «правдоискатель», любит рассуждать о жизни и смерти, о смысле человеческого существования, о правде, добре, справедливости и мучительно ищет ответ на вопрос «почему нет счастья на земле». Сургучев выделяет в повести представителей новой, пробуждающейся к борьбе интеллигенции, следящей за революционными событиями и радующейся известиям о них. Это и «неблагонадежный», высланный в родной город за участие в студенческих беспорядках Ярнов, и учащаяся молодежь, собирающаяся по вечерам на Кафедральной горе поговорить о неизбежных и близких переменах. «Завтра они поедут на север дикий, туда, где теперь жизнь поставлена на огонь, и начинает она закипать, закипать. И аромат от нее идет вкусный-превкусный...», – говорит губернатору многозначительно Ярнов.

Революция в повести не показана. Ее дыхание доносят до читателя воспоминания губернатора о крестьянских волнениях в губернии, о расстреле рабочей демонстрации в городе, ночные сходки молодежи, проникнутой желанием создать «иные формы бытия». Это свидетельствует о политической ограниченности мировоззрения писателя, считавшего, что справедливости в этом мире можно достичь только путем нравственного самосовершенствования каждой личности. И тем не менее, всем своим содержанием повесть Сургучева агитирует за революцию, ибо жизнь, обрисованная в «Губернаторе», скучна, однообразна, жестока, оскорбительна для человека, требует безотлагательных изменений.

Илья Сургучев много страниц посвящает родному городу Ставрополю. Перед читателем проходит главная Николаевская улица с бульжной мостовой, магазинами, окружным судом, «дремлющим густым зеленым бульваром, как бы мечом рассекающим улицу надвое»; вписаны Ташлянское предместье, Кафедральная гора с собором и электрической станцией, здание полиции с пожарной каланчой, дом полицмейстера, «в котором когда-то проездом на Кавказ жил три дня Пушкин», губернаторский дом, Архиерейское подворье, «остатки былой крепости с амбразурами, в которых теперь вместо пушек были фонари», «Воронцовский сад...» Сургучев старается не упустить ни одной детали из внешней бытовой и экономической жизни Ставрополя. Колоритно описана осенняя ярмарка, когда со всей России в город съезжались торговцы: из Ельца привозили кружева, из Ярославля – полотно, из Саратова – сарпинку, из Астрахани – виноград, груши из Темир-Хан-Шуры, грибы черниговские и калужские, огурцы нежинские, кабардинские скакуны, калмыцкие

стервятники, битюги из Воронежской губернии. «На лошадях, волах, верблюдах все тянулись в город, который как крепость, сияя белыми домами и колокольнями, густыми садами, стоял на горе. Ползли скрипучие арбы, полные молодого, свежего, только что собранного хлеба, овса, ячменя и всего того, чем была богата и что производила «губерния». В дни ярмарок город просыпался, взбадривался, устраивались кулачные бои, состязания звонарей, балаганные и цирковые представления. После нескольких дней праздничной сутолоки и веселья город снова впадал в сонное существование».

Все в повести достоверно и точно. В ней легко угадываются некоторые известные в истории края лица: губернатор – ставропольский губернатор Никифораки, ротмистр Клейн – ротмистр Фридрихов, архиерей Герман – архиерей Агафадор. Это придает чтению особый интерес и злободневность.

Своеобразна творческая манера писателя. В «Губернаторе» Сургучев по-чеховски мягко, проникновенно-лирично рассказывает о своих любимых героях и по-горьковски беспощадно изображает ненавистные ему «окуровские» нравы...

Илья Дмитриевич Сургучев родился в Ставрополе 15 (27) февраля 1881 года в семье крестьянина. В Ставрополь он и возвратился после окончания в 1907 году китайского отделения восточного факультета Петербургского университета. В Ставрополе Илья Сургучев прожил до 1922 года, временами, на месяц-другой, выезжая в Москву или Петербург для устройства своих литературных дел.

Свою литературную деятельность Сургучев начал с изображения знакомой ему с детства провинциальной жизни. На страницах многих рассказов и пьес Ильи Сургучева мелькают названия ставропольских улиц, описаны подлинные события, быт и нравы ставропольцев конца XIX – начала XX вв. Эта сфера жизни так и осталась главной темой его творчества.

До 1905 года Сургучев печатался преимущественно в «Журнале для всех» и ставропольской газете «Северный Кавказ».

Уже в первых литературных опытах Сургучева явно ощущалось влияние А. П. Чехова (например, рассказ «Ванькина молитва», в котором несомненны отзвуки чеховского рассказа «Ванька») и А. М. Горького (например, рассказ «Следствие», где Сургучев близко к горьковской манере изображает уездных обывателей, затрагивая и коренной слой – мещанство).

Определенным итогом в развитии уездной темы у Сургучева и большим художественным достижением, кроме повести «Губернатор»,

явились его пьесы «Торговый дом» и «Осенние скрипки». Пьеса «Торговый дом» в театральном сезоне 1913-14 гг. с большим успехом шла на сцене знаменитого Александринского театра. Сюжет этой пьесы был навеян подлинными событиями, происшедшими в доме ставропольского купца Меснянкина, большого самодура и в то же время тонкого ценителя искусств и знатока театра.

В 1915 году в Московском художественном театре режиссером В. И. Немировичем-Данченко были поставлены «Осенние скрипки». В роли Варвары с успехом выступила замечательная актриса, впоследствии народная артистка СССР, О. Л. Книппер-Чехова.

Реализм Сургучева окреп и достиг своего совершенства под непосредственным воздействием Горького. Можно сказать, что сближение с А. М. Горьким – лучшая пора в творческой биографии Сургучева. Для Сургучева Горький был единственным авторитетом в современной литературе, и он внимательно прислушивался к его советам и замечаниям. В этом нас убеждает переписка писателей.

В архиве Горького сохранилась большая пачка писем Ильи Сургучева к Алексею Максимовичу и копии ответных писем Горького, преимущественно 1911-1913 гг.

В своих письмах, посылаемых из Ставрополя Горькому на Капри, Илья Сургучев затрагивал обширный круг бытовых и литературных вопросов, писал о жизни своего города, литературных и политических настроениях молодежи, о роли произведений Горького в общественной жизни Ставрополя. Писатель внимательно следит за творчеством Горького, и каждое новое его произведение вызывает у Сургучева неизменный интерес и восторженные реплики. «Приехала мать, – пишет в одном из писем Сургучев Горькому, – и читал я ей Вашу сказку о матери и Тамерлане – цикла «Сказки об Италии». Она ничего не сказала и только гордо и молчаливо улыбнулась, и улыбку такую я видел у ней за 31 год первый раз... Хорошая, должен сказать, сказка, а стихи в конце просятся в музыку – и у меня уже вышел первый куплет».

...Горький внимательно читал произведения Сургучева, заметил его яркий, самобытный талант, старался своевременной и строгой оценкой оказать помощь идейному и художественному росту писателя, всячески укреплял его на демократическом пути творческого развития. «Я знаю Вас, – писал А. М. Горький в одном из писем Илье Сургучеву, – литератором, человеком несомненного и, мне кажется, крупного дарования – это мне дорого, близко, понятно; я хочу видеть Вас

растущим и цветущим в этой области; каждое Ваше литературное начинание возбуждает у меня... острый органический интерес».

Горький внимательно следил не только за литературной, но и за общественной деятельностью молодого писателя, старался направить ее в революционно-демократическое русло. В декабре 1911 года Илья Сургучев написал Горькому письмо, где сообщил о своем выступлении защитником на суде в Ставрополе по делу, в котором косвенным виновником был губернатор. Кроме того, Сургучев написал Горькому о том, что ставропольские кадеты обратились к губернатору с поздравлениями по случаю его юбилея. Один из местных журналистов по совету Сургучева опубликовал фельетон, высмеивающий верноподданническое усердие кадетов. Лица, задетые в фельетоне, привлекли автора к суду. В ответ Илья Сургучев получил от Горького следующее письмо, написанное 28 декабря 1911 года: «Милый Илья Дмитриевич, боюсь я Ваших подвигов. Чего боюсь? А того, чтобы Ваша история действительным губернатором не отразилась на губернаторе Вашей повести, чтобы нищая и уродливая правда нашего момента жизни не нарушила высокой правды искусства, жизнь которой длительнее нашей личной жизни, правда важнее жалкой правды нашего сегодня».

С унынием читал Ваше письмо и удручен тоном его. Было бы лучше, если бы Вы отнеслись ко всей этой истории и к своему в ней участию немножко юмористически; не теряя – отнюдь не теряя! – жара, но все-таки со смешком в душе.

Каждый из нас, пишущих, Янус. Вы это знаете. Илья Сургучев, тот, который ходит в гости по знакомым ставропольцам и который часто, быть может, чувствует себя скучным и неуклюжим человеком среди веселых или озабоченных решениями глубоких проблем пошляков – это ведь не тот Илья, который, сидя у себя дома, ночью, один слушает вой степного ветра и чувствует одинокое движение земли в пространстве. Берегите Сургучева второго, которому столь трудно жить и без людей, и с ними. Кадеты – зло нехорошее, вонючее, чисто русское зло, золотушные люди, убийственно бездарные, с плохой кровью в жилах! Но – ведь это кожная болезнь от худосочия нашего и от грязи, в которой мы живем, мы же – вылечимся от этого, будьте покойны».

Горький с уважением относился к литературному дарованию Сургучева, неоднократно подчеркивая в нем человека талантливого, «относящегося к литературе с тем священным трепетом, которого она – святое и чистое дело – необходимо требует».

...Великий пролетарский писатель по-отечески ободрял, поддерживал, наставлял Сургучева. О дружбе двух писателей свидетельствует тот факт, что в 1913 году (с 23 мая по 27 июня) Сургучев гостил у Горького на Капри.

Но, несмотря на дружескую помощь и поддержку А. М. Горького, Илье Сургучеву не удалось преодолеть глубокий идейный и творческий кризис. В годы великого исторического перелома в судьбе нашей родины Сургучев оказался в лагере белоэмигрантов. Эмигрировал он в состоянии растерянности, усомнившись в подлинности Великой Октябрьской социалистической революции. Эмиграция стала трагическим рубежом писателя и определила в известной степени скудость высказываний нашей критики о нем. За границей Ильи Сургучев тяжело тосковал по России, мало писал, все мечтал вернуться на родину, но так и не смог осуществить свое желание. Умер он в Париже в 1956 году. Лучшие страницы сочинений И. Д. Сургучева, написанные на родине, не забыты, они и сегодня волнуют читателя своей яркостью, гуманизмом, духом протеста против эксплуататорского общества.

**«Родом из ставропольского «Российского гнёздышка».
Перелистывая страницы книг»**

(Литературный спектакльпо жизни и творчеству
писателя И.Д.Сургучёва).

Автор сценария В.И.Гарькушева

Звучит музыка – «Осенняя песнь» П.И. Чайковского

Медленно кружатся и падают желтые листья
Льется тоска скрипки осенней
И не дыша,
Стынет душа
В оцепененьи.

По небу бегут тревожные облака, тянутся караваны птиц, молодая прекрасная девушка играет «Осеннюю песнь». А у окна стоит другая женщина, в душе которой уже звучат «скрипки осенние», как предчувствие холодной, мудрой зимы, белого снега, который придет на смену осенним листьям. Так начинает свои «Осенние скрипки» талантливый русский писатель Илья Дмитриевич Сургучев,

добившийся высшей победы драматурга – постановки пьесы на сцене Художественного театра.

Режиссером премьерного спектакля, который состоялся 14 апреля 1915г. по старому стилю, был один из основателей театра сам Владимир Иванович Немирович-Данченко. Главные роли исполнили: Книппер-Чехова, Вишневский, Жданова. Пьеса «Осенние скрипки» пользовалась огромным успехом. Она триумфально, до 1919 года, прошла по всем лучшим театральным сценам России. Успехом пьеса пользуется и в наше время.

В феврале 1999 года режиссер, заслуженный деятель искусств РФ Алексей Александрович Малышев поставил «Осенние скрипки» на сцене Ставропольского театра драмы им. М.Ю. Лермонтова. Главная роль была великолепно сыграна народной артисткой России Натальей Зубковой.

По единодушному мнению критиков, эта пьеса – именно для театра и для актеров.

«Осенние скрипки» звучат как стихотворение в прозе: у весны флейта, у лета трубы, и только осень выбрала себе тончайшие бесконечно нежные скрипки. «У Сургучева... язык необыкновенно яркий, красочный, образный, оригинальный и притом такой, которому веришь; чувствуешь, что он не придуман в какой-нибудь литературной канцелярии, а автор либо сам с молоком матери его впитал, либо талантливо подслушал где-то далеко, среди векового простора подлинной России...».

«Мягкое и трогательное «чеховское» настроение проникает в его творчество с начала и до конца и окутывает его облаком тихой грусти о страдающем человечестве, все еще не разгадавшем загадку счастья...»

Оценки, близкие приведенным, щедро выдавались критиками того времени русскому писателю Илье Дмитриевичу Сургучеву, который родился 28 февраля 1881 года в Ставрополе. С этим городом связана почти вся его жизнь до эмиграции, этот город первым вернул имя своего земляка из забвения, опубликовав к 100-летию со дня рождения писателя повесть «Губернатор».

Наблюдательному писателю, каким был Сургучев, Ставрополь дал основное – богатый художественный материал. А «Губернатор» стал своего рода летописью, пусть краткой, но исчерпывающей летописью жизни южного города. В повести «Губернатор» Сургучев показывает значимость обычной, простой, вялотекущей жизни, смысл повседневного существования, объясняет, что жизнь не бывает пустой, ибо дарована она Богом, и лишь человек, не способный оценить

величие этого дара, пока не приблизится смерть, в неразумии своем пренебрегает Жизнью!

В центре повествования – образ губернатора, в прошлом – стража и ревнителя реакции, решительного, не знающего сомнений, «уверенного в своей правоте, силе и непоколебимости» властелина губернии, теперь же – обреченного на смерть человека. Неизбежность надвигающегося конца заставила его по-новому увидеть мир и себя в нем.

Пелена, укрывавшая взор губернатора от истинной природы всего окружающего, спадает постепенно, и ему открывается мир доселе неведомой стороной. Образ губернатора, к концу жизни осознавшего неминуемость кары за преступления против справедливости, человечности, добра, наполнен большим трагическим смыслом.

Илья Сургучев в повести «Губернатор» много страниц посвящает родному городу Ставрополю. Перед читателем проходит главный Николаевский проспект с бульжной мостовой, магазинами, окружным судом, «дремлющим густым зеленым бульваром, как бы мечом рассекающим улицу надвое»; описаны Кафедральная горка с собором и электрической станцией, здание полиции с пожарной каланчой, дом полицмейстера, «в котором когда-то проездом на Кавказ жил три дня Пушкин», Губернаторский дом, «Воронцовский сад».

Чтобы лучше представить себе Ставрополь, каким он был в 80-х годах 19 века, обратимся к рассказу «Северный Кавказ», который Илья Дмитриевич написал незадолго до своей кончины в далеком Париже.

«Мы, ставропольцы, начинали свой Кавказ со станции Изобильной, за 50 верст до Ставрополя. От Изобильной, на некоторых поворотах пути, нет-нет да и блеснет ставропольская колокольня, свеча на горе, краше которой нет ничего на свете. Я знаю колокольни и Киево-Печерскую, и Троице-Сергиевскую, – обе от Растрелли, но наша, работы Воскресенского, конечно, лучше, элегантнее, легче, – игрушечка, статуэтка. ...Город начинался от Архиерейского моста, проложенного над глубоким яром, заросшим каштанами, особенно красивыми в период цветения белыми елочками, у Крестового архиерейского подворья с колоколенкой посреди двора. От подворья тянулись приземистые, теплые мещанские дома... На перекрестке двух улиц была аптека, явление какого-то другого мира: с орлом на вывеске, с таинственными банками, с вечно горящей свечой для сургуча, ярко-вычищеннымивесами.

Климат был такой: летом – жарыща, зимой – холодище, весна – райская, а осень: такой осени даже в раю не бывает. Через весь город

тянулся чудесный и густой бульвар, на котором ставропольцы начинали все свои амурные комбинации. В конце бульвара, перед степью с лазоревыми цветами, стояла триумфальная арка, назвавшаяся Тифлисскими воротами. Через Тифлисские ворота когда-то шли войска, предназначенные для замирения Кавказа. А потом, когда всё стихло, на них сиживал лермонтовский «Демон».

Весёлая, богатая была страна северокавказская, ставропольская. При царе-государе она, вместе с соседкой, Кубанской областью, кормила хлебом всю Европу. Дешевизна жизни была здесь разительная: фунт первоклассного «Черкесского» мяса стоил три копейки, фунт осетрины – пятак. Климат был божественный, излечивалась даже чахотка, тишина, покой, никаких фабрик и заводов. Квартиры – особнячки с садиками: умирать не надо.

Были две женских гимназии: Ольгинская и Александровская, мужская гимназия, реальное училище, духовная Семинария и казачье юнкерское училище. Гимназистки были прехорошенькие, но епархиалки имели свои персональные достоинства. Духовенство было богатое, жило по-помещичьи.

Крепостного права здесь не знали, помещиков не было. В Прасковейском уезде культивировали виноград и получали вино, похожее на испанский кларейт.

Так вспоминал о родном городе и крае Илья Дмитриевич Сургучёв в своём рассказе «Северный Кавказ».

Память о выдающемся писателе-земляке хранит и сам Ставрополь, хранят стены вот этого дома под зеленой крышей на 1-ой Ясеновской улице, где жила семья Сургучевых. С улицы он был одноэтажный с крыльцом и тремя окнами, а со двора двухэтажный с большой террасой, где в летние вечера собиралась семья у самовара с чаепитием. Особняк на Ясеновской стал литературным клубом Ставрополя. Здесь собирались и журналисты: читал свои произведения КостаХетагуров, Леонид Пивоваров, Евгений Третьяков. Родилась в этом доме и идея издания первого на Ставрополье литературно-художественного сборника «Наш Альманах».

Семье Сургучевых принадлежала и двухэтажная гостиница «Калужское подворье» с большим постоялым двором на углу Хоперской (сегодня угол улицы Голенева,35). Это здание Дмитрий Васильевич построил в 1872 году. Так оно выглядит и сейчас. На страницах многих рассказов и пьес Ильи Сургучева мелькают названия ставропольских улиц, описаны подлинные события, быт и

нравы ставропольцев конца 19 начала 20 века. Эта сфера жизни так и осталась главной темой его творчества.

В 1910г. выходит первый том «Рассказов» Сургучева. Уже первые его рассказы свидетельствовали, что в русскую литературу пришел самобытный талант. Их сравнивали с рассказами Чехова, что было справедливо:

Сургучева тоже интересует жизнь простых людей, внешне незаметная, в недрах которой, однако, проходят события, исполненные высокого смысла. Сургучеву важно понять внутренний мир человека, заглянуть в него как можно глубже, до самого «сокровенного». Рассказы (при всем их драматизме) оставляют ощущение оптимизма, даже радости, ощущения внутренней просветленности, духовного здоровья. Этими свойствами они отличаются от сочинений многих современников Сургучева, в этом их особое значение...

В рассказе «**Ванькина молитва**», в котором несомненно слышны отзвуки чеховского рассказа «Ванька», Сургучев страдает своим героям и делает это потому, что ему удалось разгадать, уловить их душевную основу, природу их стойкости.

Ванькина молитва

Рассказ

I

Ванька, мужчина восьми лет, уже минут десять как проснулся. В былые времена, так недели три тому назад, он сейчас бы соскочил с широкой материнской кровати, проскочил одной ногой на крыльцо, умылся, натянул бы штанишки и в мгновение ока очутился бы за воротами, где в это время уже начиналась обычная жизнь пригородья: проходило стадо, запоздавшее благодаря вечному пьянству пастуха Сиволдая, малога без одного уха и без царя в голове, как отзывались о нем его доверители; бабка Кириллиха уже второй раз ругалась со своей невесткой из-за невымытых сковородок или по поводу другого, подобного же случая; показывался, отправляясь на нищенство в город, бывший звонарь кафедрального собора, Никифор, лохматый, похожий на домового старик. Борода у него

была длинная и всклокоченная, и ребят пугали, говоря, что в ней водятся мыши.

Мальчишки, которых в пригороде было так же много, как мух в летний день, приступали к исполнению своих обязанностей. Они, в почтительном расстоянии от Никифора, становились в ряд, прикладывали трубой руки ко рту и оралы что есть мочи:

- Сороко-умов! Сороко-умов!

Никифор, которому, по каким-то таинственным причинам, эта фамилия была ножом в сердце, шел вперед, откинув свою суму на плечо, и терпел, долго терпел, но так как, по законам природы, всякому терпению, даже ожесточенному, положен предел, -- то старый звонарь вдруг срывался с места, схватывал комок земли, камень или что первое попадет в руки, -- и летел как оглашенный за ребятами. А те рассыпались как горох.

- Ах вы подлецы, прохвосты, погибли на вас, окаянных, нету-ти!.. -- кричал Никифор, разыскивая ребят. -- Я вам покажу Сорокоумова! Не вам, чертям, так отцу вашему, матери! Стекла в домах повышибу! Эй, кто там? Слы-ы-шишь? Скажите вашим выродкам, чтоб не сметь мне этого слышать! Слышите, анафемы? Не сметь мне этого слышать!

Обыкновенно все жители пригородья расходились уже по делам: бабье -- на базар, мужики -- на огороды; оставались одни ребята да старуха Кириллиха, но та сама была глухая, да и к тому же всегда занималась своим собственным делом: ругалась с беременной невесткой. И стоял Сорокоумов один на дороге, никем не услышанный, с каким-нибудь опасным орудием метания в руке, ожесточенный, озлобленный, с пьяными, воспаленными глазами, и ждал, не покажется ли откуда-нибудь, из-за забора или из-за дерева, какая-нибудь сорвиголова. Но головы были осторожны, и только разве откуда-нибудь, откуда звонарь меньше всего ожидает врага, вдруг потянется тоненький, ехидный голосок:

- Сороко-умов!

Сорокоумов опять срывался с места и летал по улице, как раненый лев. Он начинал ругаться, обещал сказать об этом полицмейстеру, что так дальше жить нельзя, потом решал, что

говорить об этом полицмейстеру мало, да он, немец, и не поймет, -- а нужно будет самому поймать какого-нибудь негодяя и повесить его на первой осине или умолить бога, чтобы это проклятое предместье с его оглоедами огородниками провалилось к чертовой матери... Но потом ему начинало казаться, что и этого мало, когда давным-давно нужно бы провалиться в тартарары и самому городу, в котором нет ни одного порядочного подбора колоколов -- и такие звонари, как он, Никифор, должны оставаться не у дел. Ребята давно, уже два раза, выкупались и уже обсудили половину плана, как сделать набег на тутовник; Кириллиха уже напилась чаю и ругает невестку, что вода в самоваре была недокипяченная и что, вследствие этого, у ней теперь живот будет два дня болеть, -- а Сорокоумов все стоит и клянет свою судьбу, плачет горячими слезами, дает торжественные клятвы бросить проклятую отраву, как он именует водку, говорит, что ему нужно только приодеться и поехать в Москву, где все колокола с серебром, -- и тогда ему, Никифору Тимофеевичу, цены нет. Наконец, он медленно поднимается по пыльной заезженной дороге в гору, на которой стоит город, и видно, как его согнутая, оборванная фигура с мешком назади тянется к вокзалу и как он кланяется прохожим, протягивая руку.

Сорокоумов -- это великолепный пример, что в предместье жилось весело. Кроме того, умный человек всегда, только была бы охота, находил себе там массу других, не менее великолепных удовольствий. Например, бывалые люди, вроде Афоньки Головастика, уверяли, что стоит подняться на гору в город, и самые обыкновенные яблоки, которые здесь можно видеть за любым забором и которые, так сказать, сами просятся в руки, -- в городе стоят десять копеек за фунт, и едят их там, поэтому только такие господа, которые для простого смертного, все равно что солнце для букашки. А в предместье будь только предприимчив, не выбирай заборов с гвоздями, которые вредны для штанов, знай, где живет хозяин, у которого ружье не заряжено горохом или просом, -- и карманы будут трещать от добра, за которое в городе нужно платить гривенник. И если бы у человечества не было таких мест в теле, которые для проса или

гороха, выпаленного из ружья, все равно что масло для каши, -- на свете жилось бы еще легче, ибо даже недосыгаемые сады грузина Кикнадзе сделались бы доступными царю природы.

II

Сегодня Ванька лежал в постели, один в хате, так как мать его еще в три часа утра ушла в город торговать зеленью и молоком, -- и обсуждал все то, что ему до сих пор пришлось пережить и что предстоит в будущем. Вышла такая оказия: оказалось, что ему, Ваньке, нужно зарабатывать деньги и, что еще страннее, -- что он может зарабатывать их, те самые медные, круглые пятаки и трехкопеечники, которые мать всегда приносила с базара и считала своими мозолистыми, заскорузлыми пальцами, причем, рассматривая иную монету на свет, говорила, неодобрительно качая головой:

- Ишь ты! Всучили! Совсем стертая!

Он, Ванька, может зарабатывать их, и не только может, но выходит такая оказия, что и должен, ибо всякий порядочный единственный сын, раз он уже вырос, должен кормить свою старуху мать, которой пришла пора бросить житейские дела и заняться спасением души. Это, конечно, такое положение, против которого Ванька особых возражений не имеет, но все-таки он был очень удивлен, когда в прошлую среду, лишь только он сел есть постный борщ, мать ему сказала об этом и добавила, что уже хлопочет об определении его на службу в трактир "Город Кострома", где служил его, Ванькин, покойный отец.

Ванька, откинув ногой ситцевое, из разноцветных лоскутков одеяло, лежит на постели, смотрит в потолок, закинув руки за спинку кровати, и соображает, много ли ему нужно денег для поддержания жизни своей и материной. "Старуха, -- думает он о последней, -- съест немного, потому что корова -- своя, молоко, следовательно, свое и этот расход из головы вон; но все-таки, как ни крутись, копеек на двадцать в месяц сожрет. Сам на пятиалтынный слопаешь", -- думает Ванька, морща лоб.

- А мне еще новые штаны надо всякий год! -- вслух решает он и поворачивается к окну, подпирая рукой задумавшуюся голову. -- А где их возьмешь?

Потом Ванька вспоминает, что штаны можно устроить из оставшейся после отца хурды-мурды, и вопрос принимает грозные размеры, если подумать, что каждый человек, зарабатывающий деньги, должен носить сапоги. Дальше -- больше, и оказалось, что на свете есть такая масса всяких непредвиденных расходов, каких и на бумагу не запишешь. Например, такие пустяки, как стричься и бриться.

- Все деньги надо! -- решает Ванька со вздохом, пожимая плечами, -- А откуда их, чертей, добудешь?

Его отец был пьяница и служил в "Городе Костроме" номерным, и когда его жалели, что он умер от водки, то говорили:

- Золотой был человек!

И Ванька помнит, как этот золотой человек, с колючим небритым подбородком, с какими-то странными осовелыми глазами, брал его, еще совсем маленького мальчишку, под мышки, высоко, до самого потолка поднимал и говорил:

- Эх, ты мой наследник!

Или, научив Ваньку пойти к матери с папиросой в зубах, говорил, закатываясь мелким смехом, когда та начинала ругаться:

- Это не Ванька, а мешок с мармеладом!

А когда Ванька садился к нему верхом на колени и ехал, как казак за Дунай, то отец рассказывал ему:

- Вырастешь -- грамоте тебя выучу! В школу тебя отдам! Нотам тебя выучу! Бас у тебя будет! И поступим, братец ты мой, вместе с тобою в архиерейский хор. У меня, брат, замечательнейший тенор! Зам-мечательнейший! Сам архиерей хвалит, когда пою... Вон в том соборе пою, -- видишь, на горе высокая колокольня стоит? Там пою... Только хозяин, сволочь, -- не каждый праздник пускает... А церковь там, брат, аграмадная!

И отец делал страшное лицо.

- Аграмадная! И иконы там... Бриллиантовейшие! Архиерей послушает и скажет: "А кто это такой поет?" Ему ответят: "А это, ваше преосвященство, Корольковы, отец и сын".

"Вот голоса! -- скажет архиерей. -- Дать им десятку на водку!" А регент скажет: "У них, ваше преосвященство, и дед, и прадед голосистые были. Бывало, деда на конюшню ведут драть, а дед как запоет песню, - барин нюнить начнет да и скажет: Бросьте его, подлеца, пусть поет!"

Отец рассказывал хорошо и занятно, век бы слушал, ехать было так удобно, но приходила мать, сердитая, ворчливая, вырывала у него Ваньку и говорила:

- Налопался, азиатец проклятый? Все спустил, чтобы тебе к вечеру издохнуть!

И презрительно добавляла:

- Тенор!

Ваньке было всегда жаль отца, который, покачиваясь, начинал шарить у себя в карманах и ничего не находил, потом откуда-то, из-за подкладки, вынимал что-то круглое, неровными шагами подступал к матери, совал ей что-то в руку и с усмешкой говорил:

- На тебе! Не сердись! Купи себе лихорадку! Под-да-вись! Б-баба!

Потом, в самую осень, когда по реке пошел лед, умер отец. Этот человек, который пел тенором в архиерейской церкви, лежал на столе, покрытый золотым одеялом, и лицо его было повязано платком, будто у него болели зубы. По Ванькиным справкам оказалось, что это было сделано для того, чтобы рот не расходился. Потом отца положили в красивый ящик, который очень приятно было трогать рукой и из которого могла бы выйти великолепная голубиная будка, - и зарыли в землю.

Теперь Ванька понимает, что сделали с отцом. А тогда он был дурак, ничего не знал, ел крыжовник и спрашивал, зачем спрятали хорошего тенора в яму. При воспоминании об этом глаза Ваньки, повернутые к окну, медленно наполняются крупными, теплыми слезами, ему до боли становится жаль того небритого, колючего человека, который величал его мешком с мармеладом, -- и он шепчет:

- Эх, дурак ты, что умер. Дурак! Вместе бы пели! Водку бы я не пил, все деньги отдавал бы тебе: черт с тобой, пропивал бы и мои!..

После отца начались скучные дни. Мать плакала, никого родных не было, и один Ванька утешал ее и говорил, что папа вылезет из ямы, когда належится, -- надоест! А так как отец из ямы не вылезал, а денег не было, то матери пришлось каждый день ходить в город и продавать там молоко и зеленый лук. А в прошлую среду она пришла и, когда сели за постный борщ, сказала:

- Ну, Ванюшка, нашла тебе место... Вот сошью тебе рубашки и отведу.

- Какое место? -- спросил Ванька.

- А в трактире, где отец твой служил. У Панфил Иваныча. Будешь вилки чистить, за бубликами для гостей бегать. Два рубля в месяц!

- Это туда, в город? -- спросил Ванька, кивнув в том направлении головой.

- Туда, деточка, туда...

Ванька опять принялся за борщ и стал что-то внимательно обдумывать:

- Ты вот что, - сказал он наконец, облизывая ложку, - ты сходи в ту церкву, где архиерей служит, и спроси, не нужно ли вам, мол, баса. Есть, мол, бас. Отец его пел у вас тенором, но умер. А бас, скажи, хоро-оший! Все деды его пели хорошо!

III

Ванька полежал еще немного, потянулся, согнал с себя лень и босыми ногами, ощущая на горячих подошвах холодок пола, вышел на крыльцо.

Было раннее, прохладное утро. Вдали, на горе, сияя на солнце крестами колоколен и белыми домами, стоял город. Там жили люди, которые имеют возможность платить по гривеннику за фунт яблок. Там будет жить и он, Ванька. Но, конечно, уж он не будет тратить гривенников на пустяки. Он купит что-нибудь хорошее, полезное, например лошадь. Будет ездить на ней в поле, до Надеждинской церкви, и на свежем воздухе - петь.

- Под-дай, господи!.. - пробасил Ванька, как дьячок в церкви, чтоб прочистить голос, и затем, управляя обеими руками, спел еще сербское:

- Теб-бе, господи!

Спел так, как учил его отец.

На пение прибежал верный Ванькин пес, который носил странное имя: Кисель. Это был здоровый дворняга, лохматый, с обвислой шерстью и с хвостом всегда в репьях. По мнению своего хозяина, Кисель был самый умный пес во всей улице. Он был стар и никогда не лаял без дела. Все соседские собаки приходили к нему учиться, как нужно жить на белом свете. И покойник отец неоднократно говаривал, что если бы Киселя послать в Москву на выставку, то ему за ум дали бы медаль и Кисель был бы похож на старосту.

Ванька сел на порог, Кисель, по своему обыкновению, сейчас же уселся около него, глядя ему прямо в глаза и распутив хвост метлой. Хозяин почесал у него за ушами и повел такую речь:

- Ну, Кисель, сегодня я, брат, тово... Вон, поверни морду... Видишь? Уйду... Вон туда... В город... Уйду... Прощай, брат.

Ванька погладил его по голове, а Кисель, в благодарность за ласку, вытянул морду и лизнул Ваньку по носу. Тот утерся рукавом и продолжал:

- Ты тут без меня не дури! Знай, что я -- человек строгий и шуток не люблю. Если мать скажет что, выдеру, брат, тебя как Сидорову козу. То-то... Собак маленьких не обижай зря. Тебе-то старому хрену, и самому это знать нужно.

Кисель изловчился и цапнул зубами муху, которая уселась у него на носу и за которой он давно уже следил глазами.

- Яиц в сарае - боже тебя упаси! Я знаю, ты повадился за последнее время к курам лазить. Смо-отри! - И Ванька пригрозил Киселю пальцем. - Бо-оже тебя упаси! Ну, в воскресенье слопай пару, черт с тобой, а больше ни-ни! Не выводите меня из терпения.

Кисель сделал невинные глаза и, словно не ему говорят, поставил хвост трубой.

- Будешь вести себя хорошо, -- продолжал Ванька, - будку тебе с замочком устрою, с окошечком. Будешь себе на старости лет сидеть, на двор поглядывать, - как там дождик идет. Другие собаки в голоде да в холоде, а ты у меня как паша. Да-а!

Потом Ванька вспомнил вдруг про себя, что ему придется бросить все: и дом, и мать, и Киселя, и Сорокоумова, -- и ему стало грустно.

- Приходи, брат, меня проведывать! - меланхолически сказал он, обняв Киселя за шею и прислонившись к нему головой. - Почаще приходи... Я тебя сахаром покормлю. В чужие, брат, люди иду... Может, меня бить будут... Придешь, поговорим, - все свой человек. На душе и полегчает. Вам, собакам, добро: денег зарабатывать не надо, а нам надо. Вам хорошо. Стрельнут тебя по боку камнем, - у тебя как с гуся вода. А меня ударь - шишка в три аршина вырастет.

Долго разговаривал он с Киселем, потом встал и начал умываться, сам поливая себе на руку. И пыль, на которую падала вода, сейчас же покрывалась коричневыми пятнами. Было еще рано, и тень от предметов падала черная и густая. Но день обещал быть жарким, и в городе, вероятно, будет пыль. С крыльца было видно, как внизу, на огородах, сверкали на солнце пруды и колосился камыш.

Ванька, в ожидании матери, походил по двору, посмотрел, не вывели ли индюшки индюшат, попробовал за стропило крышу сарая и спустился в погреб. Погреб был вырыт в земле, и в нем всегда было холодно. Там пахло солеными огурцами, укропом и еще чем-то, дававшим, в общей сложности, приятный запах. На полочках, у стены, стояли кувшины с молоком, приготовленные к завтрашнему базару. В другое время Ванька не выдержал бы и серьезно ознакомился бы со всеми вкусными вещами, но теперь, вспомнив, что все это -- деньги, которые нужно зарабатывать, повернулся от искушения, глубоко вздохнул и полез вон из погреба. У выхода, заглядывая вниз, стоял Кисель и махал хвостом.

IV

Пришла с базара мать, и Ванька начал ставить самовар. Было часов восемь: солнце уже вышло за чаплыгинский дом. Ванька наставил на самовар трубу и следил, как дым, иногда

смешиваясь с огнем, валил в печку, и ему казалось, что так должны дышать черти в аду.

С матерью его делалось что-то странное. Высокая и бледная, с преждевременными морщинами на лице, теперь она казалась еще серьезнее, чем обыкновенно, и губы ее как-то странно подергивались... Став на колена перед сундуком, она щелкнула замком, издавшим музыкальные звуки, подняла крышку, оклеенную изнутри картинками из модных журналов, и начала доставать оттуда Ванькино добро.

Вот, Ванюша, это твои рубашечки... - говорила она. - Береги: надевай по праздникам. Вот - поясок. Делать заставлять что будут, надевай фартучек. Береги.

Ванька терпеть не мог подобных наставлений. Такие слова, по его глубочайшему убеждению, можно было говорить только девочкам. Он вообще презирал женский пол и отлично знал, что и сегодня, например, при расставании, мать не удержится от нежных сцен, и это заранее щемило его душу. "Эх, если бы отец был жив, - думал он, - тот только и сказал бы: Ну, Ванька, молодцом будь!.. А это... лучше бы в трактире два раза взбутетенили! - И он подкладывал в самовар угли.

- Хозяина, Ванюша, слушайся; почитай, - говорила мать, - буфетчика, Исай Исаича. Они люди хорошие и... добра тебе желают... Услуживай им. Будь ласковым. Ласковая телка двух маток сосет.

Наговорившись вдосталь, она постлала на стол чистую скатерть, вынула половинку давно хранившегося лимона, и они, вдвоем в последний раз, сели пить чай. Ванька на прощанье позволил себе огромную роскошь, именно: пил чай внакладку. С наслаждением, зажмурив глаза, он тянул с блюдечка сладкую жидкость и, забыв о трактире, думал, что если бы бог привел ему сделаться царем, то он целый день пил бы чай внакладку, причем клал бы в стакан не один кусок сахара, а пять. Целый день он ел бы мороженое, и непременно костяной ложечкой, которую так удобно переворачивать во рту и облизывать со всех сторон. Сам бы он ел сливочное, а подданных кормил бы шоколадным. Другу своему, Гараське, положил бы жалованья сто миллионов в месяц, и ежедневно купался бы с ним в речке, в золотой купальне, и

непрерывно с яичным мылом. Матери своей сделал бы дом в три комнаты, с большой печкой, чтобы греть кости, и велел бы кормить ее манной кашей, так как у нее на старости лет все зубы выпали бы и ей нечем было бы жевать другую пищу, например морковь. Составил бы себе хор, исключительно из басов, такой хор, что всем архиереям оставалось бы только одно: умереть от зависти. Регента выписал бы такого высокого, что, когда он замахает руками, видела бы вся церковь и удивлялась, как у человека могут быть такие длинные руки.

- Слушай, мамка, - обратился он к матери, - скажи, пожалуйста, - что, есть такие люди на свете, чтоб руки сто верст были?

Мать засмеялась, и на глазах у нее, совершенно не к месту показались плохо скрываемые слезинки.

- Нету, милый Ванюшка, таких нету.

- Отчего же нету? - удивился Ванька и добавил с очень серьезным лицом: -- Это вещь хорошая.

Ванька опять размышлялся и, забыв про свою солидность, начал болтать под столом ногами. Щеки у него зарумянились, и плохо причесанные, только два раза стриженные от роду вихры на голове имели крайне легкомысленный вид. Он сопел, тянул с блюдечка, причмокивал, улыбался своим мыслям и не замечал, что мать, глядя на него, все качает головой, глаза ее все чего-то краснеют и чай, видимо, не идет ей в глотку.

Сквозь отворенное окно было видно, какая тишь и прохлада стояла на дворе. Деревья, недавно омытые дождем, сияли точно отлакированной зеленью своих листьев, а яблони имели такой вид, будто их окутали простынями. Во всем пространстве не раздавалось ни звука. Сорокоумов ушел в город; Кириллица, вероятно, пила чай, и рот, следовательно, у ней был занят; ребята плескались или в прудах, или на реке. И ясно послышалось, как сверху вниз, из города понеслись удары соборного колокола, то очень слышные, то относимые ветерком в сторону, тянувшиеся в пригородье, как длинные, волнистые веревки.

- Раз, два, три... - начал считать Ванька, прислушиваясь, и насчитал девять ударов.

- Девять часов, -- сказал он.

И сейчас же, но уже другим колоколом, в соборе зазвонили к обедне.

- Ну, Ванюшка, заблаговестили... - сказала мать, поднимаясь из-за стола. - Давай с тобой помолимся богу, зажжем лампадочку... и в путь... Миленький, дорогой сыночек мой! - вдруг почему-то прошептала она и мимоходом поцеловала его в легкомысленные вихры. Необычайно долго возилась она в сенях с лампадкой, наливая ее маслом, слышались оттуда какие-то подозрительные, словно всхлипывающие звуки, и когда она внесла в комнату уже налитую и зажженную лампадку, Ванька видел, как у нее дрожали руки и как она чуть не пролила масло на вязаную скатерть...

- Ну, иди, Ванюшка, помолимся... - странным голосом говорила мать, когда он допил чай. - Вот, становись рядом со мной на коленочки и гляди на боженьку. Вот так!

Ванька стал рядом с матерью на колени и начал глядеть на бога. Бог висел в углу, борода у него была длинная и седая, кругом его головы сиял круг, а по бокам были сделаны золотые, дрожащие розы. И чистым невинным огоньком горела перед ним зеленая лампадка и отчего-то казалась Ваньке похожей на маленькую девочку с длинными курчавыми волосами.

Ванька, бережно прикладывая сложенные пальцы ко лбу, груди и плечам, начал кланяться седому богу, сознавая всю важность своих действий, и бог, казалось, сделался еще серьезнее, собираясь слушать Ванькину молитву. Ваньке нравилась такая торжественная обрядность, так как она лишней раз подтверждала, что он большой, взрослый и скоро может сделаться солдатом.

- Ну, говори, - прерывистым всхлипывающим голосом продолжала мать, и глаза ее покраснели еще больше, - говори: господи! Батюшка! Царь небесный! Николай-угодник! Пощади меня, сиротинку маленького...

- Господи! Николай-угодник! Пощади меня, сиротинку маленького... - скороговоркой повторил Ванька, следя, как по половице ползла большая зеленая муха, которая может жужжать на весь дом, если поймать ее за крыло. Хотя, именуя себя

маленьким, он не был согласен с этим, но спорить и прекословить в данную минуту не хотел.

- Я иду в жизнь трудную... - неразборчиво говорила мать, и так как слезы застилала ей глаза, то она, вероятно, не видела бога.

- В жизнь трудную... - уныло повторил Ванька, посмотрев, не разошлись ли у него пальцы.

- Пошли мне ангела своего хранителя. Защити меня от злого человека, беды и всякой напасти.

Мать покраснелась, с ней делалось что-то неладное: губы ее по-прежнему подергивались, слова все более и более делались неразборчивыми, и становилось опасным, разберет ли бог. И Ванька поэтому старался поправить дело и повторял яснее:

- От злого человека, беды всякой напасти...

Вдруг мать припала головой к полу и, захватив ее обеими руками, залилась слезами, и Ванька мог разобрать только такие слова:

- Спаси его! Сохрани! От беды, лютой жизни!

Мать говорила совсем невнятно, слезы лились у нее ручьем, и Ванька решил сам передать ее слова богу. Подняв свои серые спокойные глаза на образ, он сказал, указывая пальцем на мать, приникшую к земле:

- Она просит, чтобы ты спас меня! От беды, от лютой жизни! - передавал он по порядку ее рыдающую речь. - От злого человека. Ангела послал бы ко мне... Моего ангела Иваном зовут... - уж сам от себя пояснил он.

А мать продолжала стучать головой по полу и уже говорила другие речи:

- Бедность одолела! бедность, бедность, бедность! - И, прижав к себе Ваньку, рыдала: - Не отдала бы я тебя, касатика, в жизнь трудную, жизнь грубую! В школу бы ты у меня бегал. Если бы... жив был папка... Наш па-апочка... миленький...

Ванька, к стыду своему, почувствовал, как что-то теплое течет из его глаз и падает на материну грудь. Вытерев кулаком щеки, он поднял на мать глаза, тоже полные слез, и сказал:

- Если бы, да кабы, да во рту росли грибы! Если бы жив был папка, то мы с ним в хоре пели бы! Так пели бы, что только

держись. Архиерей по сту рублей давал бы нам. Но я сам бы себе ничего-о не брал... - И Ванька сделал большие, круглые глаза. -- А все папке бы отдавал: пусть бы пил водку! Бог с ним.

Через полчаса оба они, и мать, и Ванька, поднимались по пыльной дороге в город; мать несла его одеяло и подушку, а Ванька, обутый в новые сапоги с выпущенными ушками, имел в руках узелок с рубашками и полотенцами.

Мать все всхлипывала, вытирала слезы, и Ваньке стало жаль ее. Когда они совсем вышли на гору и стала видна нижняя часть города с железной дорогой, маслобойными заводами и могилой купца Гривова, - Ванька остановился, лукаво поглядел на мать и с улыбкой спросил:

- А хочешь, я тебе сербское «Тебе Господи» спою?

Мать тоже остановилась, и глаза ее, лучистые от слез, улыбнулись.

- Ну, спой, - сказала она.

Ванька, передав ей узел с рубашками, оправился, кашлянул и, разведя руками, как регент, медленно, торжественно пропел:

- Тебе-е, Го-осподи!

И потом долго прислушивался, как звучит его бас...

Вдалеке, из города, показался Сорокоумов. Он уже шел домой обедать. С вокзала отходил поезд, и белый густой дым его, расстилавшийся на фоне неба, походил на облака.

ОТРЫВОК ИЗ РАССКАЗА «СЕДЕЛЬНИКОВ».

Фоном на протяжении рассказа звучит музыка Х. Глюка «Мелодия»

«На столе лежали розы, – прекрасные, белые розы! Что такое розы, лежащие на вагонном столе? Или их отняли от груди матери? Или на то они и рождаются, чтобы быть свидетелями любви? Хорошо ли, что подкосил их нож садовника, плохо ли?

Седельников встает и, не наступая на большую ногу, закрывает дверь купе, защелкивает замок, защелкивает вверху предохранитель и

опять садится на свое место. Теперь никто не войдет. Теперь он – хозяин этой мягкой клетки.

Седельников сделает то, что хочет. Седельников забирает в руки длинные стебли, – все, все! Седельников осторожно, благоговейно, – как священник – чашу, в которой уже свершилось чудо, – поднимает их, наклоняет к ним лицо свое и чувствует аромат: дыхание любившей.

И ясно: ни роз своих она не забудет. Ни слов своих она не забудет. Ни слез своих она не забудет. И нет у нее никаких тайных записей.

Струится аромат: дыхание любившей. Осторожно, как крылья бабочки, обрывает Седельников по нескольку лепестков с каждого цветка и кладет их в свою записную книжку, между страницами, на которых записано: кому должен, сколько должен; в которых записано, как делать муравьиный спирт, полезный при ревматизме; в которых записан адрес Фроси, по которому писал, но не получил ответа; в которых записано много вещей, – нужных и ненужных. Кладет потом розы на прежнее место, открывает дверь, выходит в коридор. Кстати, идет контроль, – надо предъявить билеты.

Темно. Скоро, должно быть, зажгут электричество.

Поезд подкатывает к станции, замедляет ход, но не останавливается. На станции горят керосиновые фонари, на платформе, в ряд, как магометане на молитве, стоят семь молчаливых мужиков в бараньих шапках. Вот бы всем на головы дать сахарное мороженое!

Темно. В воздух как будто накачивают темноту, – все больше и больше. Звезды смотрят и словно ждут: что будет сегодня на земле хорошего?

— Ваш билет, пожалуйста. И плацкарточку. Ваш номерок первый-с? Проводник, отметьте: номер первый-с. До Ростова. В Ростове – пересадочка.

Все – ласковые люди. Как хорошо!»

—«Как хорошо!» – этим возгласом заканчивается новелла о возрожденной душе. «Как хорошо!» – эти слова, похожие на девиз, можно «расслышать» и в других рассказах Сургучева. И в этой неброской реплике можно уловить ту же чеховскую интонацию примирения с жизнью, «какой бы она ни была».

В рассказе «Счастье», мысль о неумении людей распознать главное в жизни звучит почти пародийно, ведь автор вложил ее в уста человека, который повсюду выискивает несправедливость, но «исправляет» ее на свой лад – со злостью, бессердечно. Человек,

вырвавшийся из пут несправедливости с помощью Петухина, в конце концов попадает в новые пути, еще более страшные.

Звучит романс «Белой акации гроздь душистые»

ОТРЫВОК ИЗ РАССКАЗА «СЧАСТЬЕ»

«Петухин вскакивает с кресла и начинает нервно бегать по комнате. Рваные туфли его смешно смурывают по полу и сбивают дорожки, рубаха без пояса болтается во все стороны.

— Дура ты! — снова говорит он, останавливается и, пронизывая ее глазами, продолжает: — Жить не могу, когда несправедливость на земле вижу, да какую! Несправедливость-то, глупая, разная бывает: ну, там деньги отняли, поколотили, даже убили тебя — это ерунда! Это тело твое убили, ну и прах с ними! И эту несправедливость я перенести могу. Но когда у человека душу убивают, да еще у какого человека: молодого, здорового, которому жить не тужить, тогда я терпеть не могу... Да! Не могу! Вот тебе и сказ весь. Тогда я должен поправлять дело! Защищать должен! Исправлять жизнь должен! Да! Я Петухин, — пусть я пьяница и человек маленький, — исправлять жизнь должен и буду, как сумею... И думаю, что на том свете бог похвалит меня за это... Ведь вот ты... Ты же любишь Гаврюшку?

— Богу жалко тебя было! — продолжал он. — Ведь бог что? Бог счастья всем хочет, добра, — пойми ты это. Разве для зла создавал бог людей? Ну? Разве нужны ему наши страдания? Наши муки? Раз ты любишь Гаврюшку, а Гаврюшка любит тебя — значит, эта любовь от бога, значит — она угодна ему. А если там какие-то дураки сковали тебя, да в церковь притащили, да привязали на всю жизнь к какому-то, прости господи, хрену, так и нужно подчиняться не богу, а этим дуракам? Милая ты моя! Цветик ты мой ранний! Да и клятва твоя... Ведь она глупа, эта клятва, и опять-таки людьми придумана, а не богом. Людьми придумана для того, чтобы вот, к примеру сказать, связать то, что само собою не связывается. Вот ты и Гаврюшка, вы любите друг друга, — на кой вам шут какие-то там клятвы? Любовь она сама клятва! Милая, милая! Люди, братец ты мой, такого на земле нагородили, так зановозили человеческую душу, так жизнь запутали, что бог-то, поди, не рад, что и людей создал. И нужно, деточка моя, людям, у которых есть в душе хоть маленькая искорка, нужно распутывать сетку эту. Вот и ты. Тебя запутали, а ты не подчинись и потихоньку распротривайся. Бог увидит, что ты ценишь и бережешь

душу, которую он тебе дал, и полюбит тебя, и поможет тебе. Ты распространяешься, а там, глядя на тебя, и другой начнет распутываться, там третий, дальше – больше, пятый, десятый, и, еще может быть, сделается на земле прекрасная жизнь. А то: клятва! Не-ет, девушка, бог-то, бог, когда слышал твои клятвы, сказал ангелам, которые ведут запись жизни человеческой: «Слушайте, вы, ангелы. Вон на земле, в церкви, клянется раба моя Татьяна. Сама не соображает, в чем клянется. Не принимайте этой клятвы. Не от сердца она, –по неволе! И греха, если она нарушит клятву эту, грехом не считать, и в книгу этого не записывать, и ответа на суде от нее не спрашивать!» Так сказал бог».

Для Татьяны, которую Петухин вырывает из ада жизни с нелюбимым мужем, один ад оборачивается другим, к которому Путухин, как он сам заявляет, не хочет больше иметь «касательство». Критики сводятся в рассказе к важной мысли, которую Сургучев затем повторит ив других своих произведениях:

Человеку невозможно навязывать следование законам «добродетельной» жизни, он может ее, эту жизнь, лишь выстрадать, пройдя сквозь трагические испытания, познав себя, поняв окружающих.

В такой позиции автора еще раз проявилась классическая традиция мировой литературы.

Следующий рассказ–«Соседка» вызвал интерес у читателей прежде всего благодаря своей тематике – девушка, в которую влюбился герой, оказывается революционеркой.

ИНСЦЕНИРОВКА РАССКАЗА «СОСЕДКА»

Сцена первая

Ведущая читает из книги –«В Петербурге, в доме № 2 сдавалась освободившаяся комната». Выходит Дарьюшка, убирает в комнате. Студент сидит за столом, пишет.

Музыка фоном – звучит тихо

Дарья – Сегодня переехала новая жилица, молодая и красивая! Такая блондёночка... Глаза синие, а волоса – вот сюда, набок. Познакомись, – меньше скучать будешь. Меньше изводить бумаги будешь. А то вот восемнадцать лет уже живу по хозяевам, а ещё не видывала, чтобы живой человек на бумаге столько писал. Бывали всякие народы: и на гитаре играли, и в карту сбивались, а ты уж мозгою больно работаешь. Молодому человеку это не особенно

подходит. Вред может быть. Да, вред, – и ты смеяться – то особенно не смейся, а меня послушать иногда не мешает. Всегда польза будет.

(Уходит)

Студент – Сегодня, – вероятно, по случаю переезда новой жилицы, – она оставила меня в покое. Хотя уже скоро десять, и слышу, как новоприбывшую блондинку Дарьюшка посвящает в курс нашей квартиры.

Идёт с чемоданчиком Марья Константиновна, а за ней Дарьюшка

Дарья – Жильцов у нас по-благородному: только трое. Вы вот будете – раз! В той комнате, где дворник корзиной зацепился, Аким Исакыч живёт, человек хороший, трудящийся, – по вечерам со службы приходит, чай пьёт и на цитре играет. Рядом с вами, здесь вот (Дарьюшка понизила всё-таки голос) – студент живёт. Всё бумагу пишет и выкидывать не велит. Ничего парень, в себе такой, иконостас смазливый, –дрыхнуть здоров – прямо редкость, страсти господни! Вот уже десять, а его никакой пулемёт не возьмёт.

—Вы провинциалка будете?

М.К. – Провинциалка.

Дарья – В Петербург первый раз приехавши?

М.К. – Да, в первый раз.

Дарья – А откедова, позвольте полюбопытствовать, приехали?

М.К. – Из Крыма.

Дарья – Из Кры-ы -ма! (С почтением протягивает) – Хорошая сторонка.

Студент – И я в первый раз услышал новый, совершенно неизвестный мне голос, - красивый, низкий, альт. Судя по интонациям голоса, по манере говорить, человек поселился интеллигентный. Кто она и что она? Я слушаю застенные разговоры, шаги, шелест бумаги, ощущаю что-то новое, мягкое, влившееся в нашу квартиру.

Какая-то новгородская баба, болтливая Дарьюшка, уже отравила нас первыми каплями сближения. Я родился на Волге, она – в Крыму.

Даже думать не могли мы, что в Петербурге где-то, на Васильевском острове, есть крыша, под которой мы сойдёмся, и до самой смерти, а кто знает? Может, и после смерти будем помнить друг друга, а может быть, будем проклинать... Теперь же мне ясно то только, что за этой тонкой деревянной стеной, поселился человек, присутствие которого я буду постоянно ощущать, который заинтересовал меня, который почти потянул меня к себе.

Дарья – Так снимать картину, какая не понравилась, альт нет?

М.К. – Снимайте!

Дарья – Снимем. Студенту повесим. Они – народ таковский. Намедни, в субботу, говорю ему: «Ты бы ко всюнощной сходил, лоб перекрестил бы...» А он мне такую пулю отлил, что на том свете обязатель его, дурака, за язык повесят...

М.К. - А вдруг он услышит? (тревожным шёпотом)

Дарья - Фу-у! Делов куча! И пусть слушает. Я ему и в глаза скажу!

Уходя стучит студенту в дверь.

Дарья – Вставай, кормилец! Люди уж отобедали! Ох, и здоров же дрыхнуть! Как ты хлеб зарабатывать будешь? Ой-ой-ёй.

Сцена вторая

Студент – Вот уже второй день я сижу дома и слушаю, как живёт какой-то чужой, незнакомый, но почему-то заинтересовавший меня человек. Часов около трёх она куда-то уходила, а когда я приходил домой, в шесть часов вечера, она уже была у себя. В передней звякнул звонок. Я уже привык к «своим» звонкам и теперь уверен, что пришёл чужой человек, не наш. Дарьюшка шмыгнула по коридору, и через минуту уже слышно было, как она очень охотно кому-то докладывала.

За сценой Дарья

— Дома, дома! Пожалуйста! Вот так прямо по коридору, следующая дверь. Стук в дверь.

М.К. – Это вы?

Аким Викторович – Мы, мы! Собственной персоной! Здорово булы!

М.К. – Здравствуйте, здравствуйте, Аким Викторович! Получили мою открытку?

А.В. – Всенепременно! Сегодня в ранний утренний час! И сегодня же прямо к вам...

М.К. – Я вас ждала. Ну. Седайте! Куда вы? В угол? По – прежнему любите диваны? Ах, вы этакий... Шляпу давайте сюда. Всё та же, гарибальди? Как она постарела!

А.В. – Ещё бы! И в жар, и в зной, как это поётся в «Руслане». Где эта шляпа не была? Какого неба она не видала! И на Волге, и на Кавказе, и в Финляндии... Какие дожди её не мочили! Какое солнце не грело! Оттого она так сморщилась, оттого на ней так много рыжих пятен...

М.К. – Ну. Вот мы и устроим её, вездесущую. Сюда вот, на лобное место. Ну-с, что нового? Извольте вводить меня в курс дела.

Рассказывайте. Как братия? Нет, ей-богу! (смеётся) – не могу посмотреть на вас; всё тот же... и сапоги – бутылками...

А.В. – Я ведь вообще из породы неменяющихся... Чего там? Я постоянно обожаю, потому человек я есть положительный, добросовестный. Линию свою аккуратно гну... Да-с. А вы вот изменились. Да. Возмужали, похорошели... И очень напрасно...

М.К. – То есть как это так?

А.К. – А очень просто! Что возмужали-то – это, конечно, ничего... А вот что похорошели – это напрасно. Совсем напрасно! Ну, на кой вам ляд, прости пресвятая богородица, такие глаза? Смотрите вы вот на меня и, кажется, душу мою высасываете этими глазищами... Ей – богу, не вру! Потом волосы эти самые? Почему они такие густые? Почему они так красиво лежат? Потом, простите губы! Год всего не видал я вас, помню, что была такая милая, славная гимназисточка, похожая на ласточку, а теперь вот... Перемена!

М.К. – Беда какая! (шутливо)

А.К. – А вы думаете – не беда?... Это осложнение, которое требует обстоятельного учёта, (балагурство исчезает) – ведь это-то, и глаза, и губы, и волосы, – это, матушка моя, – земля и к земле гнёт. А земля, кроме как о себе, больше ни о чём не думает и в свою очередь к жизни гнёт. Земля страсть как жизнь любит!.. Ну, а сейчас на земле такая жизнь, которую любить, ей богу, не за что! Жизнь будет хороша, – но только будет... А пока она – серая и нудная, и такие краски, синие, розовые, золотистые, какие я имел удовольствие констатировать на вашем облике, – лишние на ней, на земле-то... Сейчас в жизни – то осень, сплошная, гнилая осень. Логически рассуждая, вообще, никаких красок и изящных линий не должно быть теперь на земле. Должна быть – дума о той прекрасной и изящной жизни, которая только со временем вспыхнет на земле...

М.К. – Но ведь мы её не увидим?

А.К. – Какие пустяки! Как это не увидим? Ну, пусть даже и не увидим... Мы её чувствуем... А ведь это всё равно! ... (спрашивает тихо). А рядом с вами кто-нибудь есть? Живёт?

М.К. – Есть, студент, кажется, какой-то...

А.К. – А с того боку?

М.К. – А с того боку – стенка уже каменная. Другая квартира. Хотя. Если, например, шумят или играют на рояле, то слышно...

А.К. – Ну да, ладно. Приехал на днях Вася, письмо привёз... Илюшку в Самару услали...

М.К. – В Самару? А Женя?

А.К. – Женька скисся. Нюнит чего-то, ищет смысла жизни, Гартмана читает... На бильярде играет...

М.К. – Чего же мы чай-то забыли выпить?

А.К. – Да нет, пора мне, поздно уже... (Уходят)

Сцена третья

Студент – На утро я решил, что обязательно зайду и познакомлюсь с Ней. ...перед тем, как постучать к соседке, я раз пять то надевал воротник, то снимал, потом махнул рукой, облачился в тужурку и решительно зашагал к её двери.

(Стучит в дверь и заходит)

Вы человек интеллигентный, вы поймёте. Полное одиночество, совершенно нет знакомых. Огромный город, масса людей, лиц, а разговариваешь только с Дарьюшкой. Рядом же живёт существо интеллигентное, чуткое. Ну, думаю, поймёт и простит, – и я решил пойти к вам. Вы простите? Да?

М.К. – Прощу. Бог уж пусть вас накажет. Ну садитесь.

Студент – Что я о вас знаю? Знаю, что вы из Крыма. Помню, как вы приказали Дарьюшке убрать картину в багетной раме, и тогда же заключил с радостью, что вы человек интеллигентный и тонкий. А Дарьюшка говорила вам, что я исписываю много бумаги и выкидывать не велю. И вы улыбнулись. Это чувствовалось через стену. И мы уже, помимо нашей воли, немного узнали друг друга. Между нами натянулись какие-то нити... Потом, когда у вас сидел кто-то, я вообразил, что вы – это та, которую я когда-то, давно-давно, любил и которая теперь меня забыла... И уже любит другого, который вот сейчас сидит у неё.

М.К. – Да вы мечтатель! Вы – поэт. Вы, вероятно, пишете стихи... Так, так, так! Вероятно, про эту-то бумагу и говорила Дарьюшка...

Студент – Я почувствовал, что краснею глупо, ярко, по-мальчишески. Сказать, что я пишу не стихи, а рассказы? И она улыбнётся тогда, как все улыбаются, глядя на студентов, пишущих рассказы и соврал.

– Нет – это лекции. Я переписываю лекции.

М.К. – Вы и поёте...

Студент – И пою, значит, вы слышали...

М.К. А знаете, – когда вы пели Чайковского, меня что-то захватило... Встревожило. Было, например, понятно, что это поёт страдающий человек. Вы умели что-то вообразить и пережить. И тогда мне немножко захотелось познакомиться с вами...

Студент – Так произошло знакомство. Создались славные товарищеские отношения... А когда пошли дожди и начались холода, я стал топить печку, сам носил из кухни дрова, укладывал их стоймя и долго разжигал огонь и стучал к ней в перегородку и говорил...

Маруся! Идите! Затопил печку..

Лампы мы обыкновенно не зажигали, а садились перед огнём: я – на стуле, а она – на маленьком табурете, и голова её касалась моих колен, были близки её волосы, мягкие и золотистые...

– Ну, Маруся, милая, – скажите же мне, кто вы?

М.К. – Какой вы чудак!.. Тысячу раз я вам уже докладывала, что приехала я поступать в женский медицинский институт, не поступила потому, что не выдержала конкурса отметок, – вот и всё... А кто я? Ей-богу, не знаю, как вам ответить. Обыкновенная провинциальная девушка... Вот и всё.. Кажется ясно...

Студент – Маруся! Вы любите?

М.К. – Люблю...

Студент – Ну, разумеется, это тот, который часто по вечерам ходит к вам... Нашли кого! Я его ни разу не видал, но Дарьюшка говорила: в больших сапогах, а ходит так бух, бух... Как дрессированная лошадь, – простите, пожалуйста...

Так в разговорах и беседах проходили зимние, холодные вечера, но однажды Маруся зашла утром какая-то необычная...

– Ты сегодня особенная, Маруся... Возбуждена, нервничаешь...

М.К. – Да. Есть немного... Это я чувствую и это скверно.

Студент – Ты получила письмо?

М.К. – Да, получила письмо... Впрочем, – лучше не будем говорить об этом.

Студент – Маруся! Ну, скажите, кого вы любите?

М.К. – Я и люблю, и любила только тебя... Ты первый и... последний. Ну, а скажи мне, ты на кого похож: на отца или мать?

Студент – На мать...

М.К. – Значит, будешь счастливый... Ну, вот... Ну, а теперь прощай.. Прощай! А ты спи. А ну, зажмурь глаза: я погляжу, как ты спишь... Ага, вот так.. Какой смешной! Прощай, мой дорогой! Прощай!

Сцена четвёртая

Студент: – Весь этот день был какой-то особенный: радостный и тревожный... Хотелось петь, работать, писать домой хорошее ласковое письмо. Но день быстро уходил и давно уже начало смеркаться,

шестой час идёт, а Маруси ещё нет. Я хожу по её комнате и жду. Вот комод, вот стол, книги. Её умывальник, мыло и полотенце с кружевной оборкой, хорошей тонкой работы, буквы «о» и «с», – почему же не её инициалы? Это меня заинтересовало и немного встревожило. Слышу, как в хозяйской комнате пробило семь, потом половина восьмого. На улице и в окнах магазинов давно уже горят огни...

И опять день, – солнечный, яркий... Идет снег...

– Маруся! Где же ты?

Обострившийся слух слышит каждое движение, каждый шорох в квартире. Слышу, как хозяйка решила идти в полицию и заявить, что пропала Марья Константиновна, а вернувшись, минут через сорок сказала, что в участке народу – пушкой не пробьёшь.. А тут ещё суета: какого-то генерала, сказывают, в городе убили...

...Затоптались в коридоре... Какая-то толпа.. Какой-то голос.

– Здесь жила Ольга Солнцева?.. Ольга Петровна Солнцева? И зашумели в Марусиной комнате...

Сургучев оставляет «за кадром» сам поступок героини – и действительно, на фоне нарисованной им картины зарождающейся, расцветающей любви, знаменующей торжество жизни, все остальное выглядит мелким и ненужным.

Нельзя принести счастья другим, отказываясь от собственного, – вот главная мысль рассказа.

Собственные переживания во многом определяют у Сургучева позицию повествователя. До революции он чувствовал себя гордым, надменным сыном великой страны, и это в значительной степени определяло интонации произведений.

В эмиграции перед нами человек, чья «Россия ушла в подводное царство, как град Китеж». В художественном миросозерцании Сургучева спутниками русского беженца оказываются образы, ставшие символами изгнанничества уже в лирике Лермонтова. Почти цитатой звучит признание Сургучева: «Я – лист с русского дерева, чужой и ненужный», «ничто здешнее не пристало ко мне и я ни к чему не пристал и пристать не могу: я чужд и этому городу, и этой земле, и этому небу, и даже этим звездам, которые стоят не на тех местах, на которых я знал их когда-то...»

Звучит музыка. Фортепианный концерт №2 С.Рахманинова

В самом трогательном своем рассказе «Китеж», напечатанном в журнале «Возрождение» незадолго до смерти, Сургучев как

быпрощался со всем, что любил и помнил всю жизнь, прощался со своим родным Ставрополем, которого уже не было, и куда он постоянно возвращался в своих мемуарах – вспоминая все новые и новые детали, восхищаясь людьми и храмами, наливками и соленьями, вновь и вновь объясняясь в любви к своему граду Китежу.

Звучит музыка. 1-ая часть фортепианного концерта № 2 С. Рахманинова

ОТРЫВОК ИЗ РАССКАЗА «КИТЕЖ»

«После смерти моей матери все, жившие под зеленой крышей нашего дома на Первой Ясеновской, разлетелись в разные стороны и отцовский дом, уютный и сладостный, опустел и отдан внаймы какому-то неизвестному мне «хозяйственному» человеку. Мебель Луи Филиппа была продана; рояль — вывезен в Ростов; книжный шкаф, знавший столько моих тайн, рассыпался. И в этом очаровательном северокавказском городе нет теперь ни одного человека, носящего мое имя. Поражу пастыря и рассеются овцы.

Первый раз за сто лет, в Страстную Пятницу, никто из нас не побежит к гробу замученного Бога, никто из нас не поцелует кровавых пяти ран, которые он принял, чтобы искупить мир от греха, проклятия и смерти. Никто из нас в этом городе не услышит пламенного акафиста страстям, когда жарко пылают шесть ставников свеч и кисея голубоватого гроба пропитана женственным ароматом болгарского розового масла похожего на то, которое когда-то приносила Мария из Магдал: ее волосы так любил писать венецианский Тициан.

И в светлую заутреню ни в Рядской церкви, ни в Варваринской, ни в Кафедральном соборе, ни в Троицком не будет ни одного человека, принадлежащего к нашей семье. На заутрене ирмосы «Воскресения день» у нас пелись особым напевом, которого я потом не слышал нигде в России и не видел даже в сборниках Римского-Корсакова — и их не коснется ухо мое.

Тяжело и больно — и в эту минуту, такой затерянный и такой от всего родного отрешенный, я хочу хоть через эти печатные столбцы, хоть мысленно, хоть только прикосновением луча сердца быть с тобой, мой родной, мой милый и незабываемый с древнегреческим именем, самый для меня прекрасный и цветущий город на земле. Аще забуду тебе, Иерусалиме, забвена буди десница моя!

Наступала весна и с ней, в первое воскресенье после весеннего равноденствия, — пасхальная ночь, пир веры. И постился ты или не постился, пришел ли ты в шестой или девятый или даже двенадцатый час, все равно: иди в гости к Господу Богу, и будешь принят, и обласкан, и окормлен. Тебе будет дан высший слух, и ты уследишь как в эту ночь, восходя кверху, из неведомых и таинственных хранилищ струятся соки земли по жилам трав, деревьев и цветов: каштановое идет каштанам, березовое — березам, вишневое — вишням. Холодноватое, но это особенный пасхальный твердый холодок. В звездах плещется уверенный и веселый, горящий и несгорающий свет. Прекрасно освещен кремнистый путь в Иудею. Мчится цугом запряженная телега Больших Медведиц.

* * *

Город погасил свои торговые огни: золото, серебро и медь переложил из одних карманов в другие, между семьюдесятью тысячами разделил хлеб, вино и елей. И притих. Сквозь ставни прокрадываются, словно по линейке отчерченные, полоски желтоватого незлектрического света: усталые горожане, борясь с дремотой, привычной в этот час, застегивают тугие крахмальные воротнички, изнутри подталкивая запонку большим пальцем; завязывают узлы ярких галстуков-самовязов; заводят праздничные часы с тремя дедовскими крышками, механизм на рубинах; жмутся в новой, упругой и еще не блестящей обуви; с искушением поглядывают на роскоши пасхального стола: эффектные куличи выпечены из нольной муки и распространяют запах ванили и кардамона.

В отдалении в углу, на большом подносе, установлена батарея: водка с еще ненарушенной белой головкой; удельное вино № 21 и № 26; коньяк Шустова «Золотой колокол»; циндандали князя Андронникова; рислинг Токмакова и Молоткова; вишневка Штритера и рижский бальзам; фруктовые воды Ланина и местное пиво Салиса и Антона Груби... Пустыки, конечно, но все это сидит в памяти, в каком-то левом углу черепа, и записано, как на граммофонной пластинке...

Скользки навощенные подошвы новых сапог, нужно осторожно ходить по праздничным плюшевым дорожкам, — ощущение чистоты, обновления и заботливой прибранности к празднику. Все уже устали торопиться и нервно ждут первого удара в большой колокол, в который зазвонит старший звонарь Кафедрального собора Тарас. Тараса знает весь город и сейчас весь город думает о нем. В руках у Тараса — первая строчка стихотворения.

Все уже оделись, все готовы к выходу, но еще не разрешает Тарас. Все еще нет праздника, еще холодновата эта ночь, ночь весеннего волнительного равноденствия. Хмур Северный Кавказ. Посматривают украдкой на часы. И вдруг:

—Бо-ом! — сказал свое первое слово большой колокол, отлитый при преосвященном Иеремии, первом епископе Ставропольском, как гласит надпись на торжественной меди.

—Бо-ом! — отвечает ему расстриженный монах Агафангел из Троицкого собора.

Песнь начали главные басы, основа хора, — вслед за ними вступают другие голоса: баритон Рядской церкви, серебристый тенорок из духовного училища, женский альт архиерейского старого подворья, — и стоящий на горе город с торжественным греческим именем слушает с благодарной улыбкой ночную, единственную в мире симфонию колоколов, украшенных славянской вязью, с выпуклыми буквами императоров, архиереев, с упоминанием событий, с именами жертвователей, усердных к церкви и вере, с именами купцов Чепелевых, Нестеровых, Волобуевых, вычурные могильные памятники которых так пугали меня в детстве.

И да будет прославлен Бог, который в эту ночь возвращает слух мертвецам: свят и забываем звон святого колокола; интересно бы посмотреть на чертей, которые в эту минуту вверх тормашками летят с колокольни. За целый год не удалось подточить каната, на котором висит колокол.

* * *

О, эти старенькие и хитренькие покойнички! У Чехова есть село, в котором на похоронах дьячок всю икру съел.

Наш город известен тем, что когда-то, в семидесятых годах, принимал у себя великого князя, одного из Михайловичей; угощение было на славу, за спаржей в Ростов посылали, а на утро, перед отъездом князя, — почтительнейше представил ему счет за все съеденное и выпитое. А ело и пило человек пятьдесят.

— Город наш нищ и убог, — сказали купцы своему гостю, немало удивленному — еле-еле с хлеба на квас перебиваемся... А потому явите божескую милость: прикажите получить.

И роскошный, с разлитым морем, с гимном, обед влетел великому князю в копеечку. Обед же воистину был приснопамятный:

— Селедки дышали! — восторженно до самой смерти рассказывал отставной клубный официант, специалист по закускам, — в желе свечка горела! Пирамида из разноцветных леденцов была!

– А князь много кушал?

– Какое там! Индюшиное крылышко и то без хлеба. Император Александр II, которому ошеломленный Михайлович показывал счет, сказал, смеясь:

– Жирно, брат, кушаешь!

Эти же купцы, получившие с князя деньги за обед, который они же сами съели, — эти выжиги, сквалыжники и алтынники любили свой город и часто бывали большими поэтами. Это именно они, как флорентийцы, почувствовали красоту солнечных южных площадей и соорудили на них фонтаны со струей на полторы сажени. Это они зацепили, пронюхали и взлелеяли талант архитектора Воскресенского, который застроил город зданиями, так называемого губернского ампира, а на горе вознес трехэтажную колокольню в честь троичности лиц. Эта колокольня по изяществу, по легкости, по игрушечности считалась второю в России после Троице-Сергиевской. И ее смело мог бы подписать сам Растрелли. Прелестной оградой из незамысловатого камня обнесли рощу и Бярятинский парк. Вспоминая, очевидно, одесскую лестницу, Воскресенский на подступах к колокольне и собору вывел красоту-лестницу в сто девяносто ступеней. И надо было видеть, когда горожане и горожанки спускались по ней или на Крещение, или в Духов день.

...После разговен мы с матерью бежим на свидание к отцу, бежим по бульвару мимо Тифлиских ворот.

О, это кладбище провинциального нешумного города, где все могилы известны тебе, как дома на главной улице. Оно к великому дню вычищено, деревья — в цвету, все холмики со вчерашнего дня усыпаны фиалками и ранними тюльпанами. Тихо и призрачно горят огни намогильных лампад и свечей, вставленные в садовые фонарики, — какой мир, какая отрада, какая примиренность со смертью, вера в будущее воскресение, преклоненная голова перед последним всерешающим судом, — печаль и вздыхание и какая мечта о жизни бесконечной! И думаешь: сколько поэтов все-таки прошло по земле!

Проснувшиеся озябшие птицы, разговаривая меж собой, как в опере, поют свои диалоги. Тишина. Лежат люди головой к востоку и думаешь: а вдруг там, под землей, происходят вещи, о которых даже и подумать нельзя? А по насыпи, огибая кладбищенскую стену, тихо ползет со станции Кавказской пустой состав товарного поезда и делается невыразимо жаль будничного кондуктора, приютившегося с флажком на последней площадке. Около наших могил поставлена садовая решетчатая скамья: мы сидим на ней вдвоем с матерью. Только

что мы катали красное яичко по надгробным плитам, и оно с сухим треском подпрыгивало на выпуклых буквах. Мы одинаково с матерью любим того человека, который зарыт здесь: моего отца. И нам кажется, что это он посылает нам утренний, густой, как масло, воздух, которым дышит благодатная северокавказская черноземная степь. Где-то начинает воровать солнце и от постепенно прибывающей с востока светлости, из которой скоро сделается свет, кажется, что воздух разжижается и меняет свой запах: начинают оживать и дышать цветы и молодая еще глупая трава, и над нашей головой явно просыпается молодая яблоня, невеста неневестная. Вокруг нас — бесконечное царство Креста, дошедшего сюда с Голгофы, и земля, пропитанная слезами.

Наш участок густо заселен дедами и только около отца есть свободное место. Мы говорим с матерью о том, кто из нас имеет больше прав на это последнее место: я или она?

— Я лягу здесь, — твердо говорит мать, — потому что я была его женой и прожила с ним счастливо тридцать пять лет.

— А я — его сын, — возражаю я, — на это место я имею больше прав.

— Но почему? — Потому, что ты была его женой: прошедшее время. А я совмещаю в себе все три времени: я был, есмь и всегда останусь его сыном.

— Да, но ведь в тебе течет и моя кровь.

— Я точно знаю, сколько во мне твоей крови и сколько отцовской. Отцовской больше и отцовская — сильнее.

— Митя! — вдруг повышенным тоном, наклонившись к могиле, спрашивает мать, — кого ты хочешь около себя: меня или Илью?

И мы оба затаили дыхание.

Ответа нет. Щебечут птицы.

— Он отвечает в птицах, — говорит мать.

Мы слушаем птиц, но не понимаем их оперы.

Как у зверей, простых и немудреных, не гнавшихся за райскими ядовитыми яблоками, сейчас на заре обострены наши чувства. Мы бестрепетно постигаем таинство смерти, тяжкий естества чин. Мы относимся к ней с покорностью и радостью, ожидая сладчайших загробных встреч и жизни будущего века. Относимся к отцу, как к существу живому, слышащему нас и о нас радующемуся. И не только сердцем, но капельками своего разума утверждаем одиннадцатый и двенадцатый члены великого символа.

На плите отца выбита выпуклая надпись: «Жития его было пятьдесят семь лет».

И невольно думается: «А сколько же отпущено мне?»

В предопределение я твердо верую. Я знаю, что где-то записан мой час. Вспоминаю предсказания цыганок, хироманток, гадалщиков. Всматриваюсь в линию жизни под бугром большого пальца, рождается сознание силы и трудноуловимых, но уверенных постижений. Яснее всего — ощущение общности и торжественности с землей, из которой взят и в которую неминуемо отойдешь. Думаешь о ней, о земле: о ее гениальном труде, о точности ее дел, о нежности, о капризах, о сердитости, о гневе, о художественной четкости, об изящном воображении, об отношении к нам, как к детям, которых надо покормить малиной и виноградом, — к детям, 50-60 лет занимающихся не тем, для чего посланы и не знающих ни дня своего, ни часа.

Мы уходим с кладбища, у ворот нас провожает сторож Никифор, получающий заранее приготовленную трешницу. Мы идем по шоссе и перед нами на возвышении, как на усеченной сахарной голове, расположен акварельный город, ясны, как на карте, линии его улиц, бульваров и площадей.

Встречается, наконец, желанный извозчик и предупреждает нас, что сегодня биржа работает по двойному тарифу.

* * *

Теперь мой Китеж затонул. Его древнегреческое имя заменено именем советского маршала. Но вы можете мне верить или не верить, объясняйте это чудом или теорией произвольных представлений, — в пасхальную ночь, после заутрени, утреннем утреннюю глубоку, во время второго сна я слышу старый звон. Вот ударил Тарас, ему последовал расстриженный монах, вот тенорок духовного училища, потом цыганский альт архиерейского подворья...

И не было ни войн, ни революций. Стоит, как град Петров, Россия и никакие врата адавы не одолеют ее.

Это между четвертым и пятым часом утра.»

***

Во все годы изгнанничества, в нелегких, суровых условиях эмигрантского быта, в обстоятельствах непросто складывающейся судьбы Сургучева всегда поддерживали горячие русские слова: любовь, жизнь, счастье.

Парижский журнал «Возрождение» так начинал некролог Ильи Дмитриевича Сургучева: «Их было семь... Бунин, Зайцев, Куприн,

Мережковский, Ремизов, Сургучев и Шмелев. Нарочно ставлю их имена по алфавиту, так как стоит ли спорить о том, кто из них выше. Семь было с нами в изгнании... представляли собой русскую литературу и были духовными наследниками Девятнадцатого века...».

Сегодня великий русский писатель Илья Дмитриевич Сургучев возвратился из изгнания на Родину. И теперь уже навсегда!

Звучит музыка – Фортепианный концерт П.И. Чайковского

Хронология жизни и творчества И.Д. Сургучева

- 16 февраля 1881 г. родился Илья Дмитриевич Сургучев.
- 1891 –1895 г.г. обучение вСтавропольском духовном училище.
- 1895–1899 г.г. обучение вСтавропольской духовной семинарии.
- 1898 г. публикация очерков и рассказов «Трешница», «Неудавшаяся жизнь»; повесть «Из дневника гимназиста» печатается в газете «Северный Кавказ».
- 1899 –1908 г.г. учеба вПетербургском университете на факультете восточныхязыков.
- 1900 г. женитьба на Ольге Григорьевне Меланьиной, происходившей из купеческого рода села Благодарного.
- 1904 г. опубликован рассказ «Горе», а вслед за ним и ряд других, которые печатались визвестных столичных изданиях («Журналдля всех», «Вестник Европы», «Театр и искусство» и др.).
- 1907 г. возвращение писателя в Ставрополь.
- 1909 г. Сургучев возглавил редакцию газеты «Наш край».
- 1910 г. выходит первый том «Рассказов» И.Д. Сургучева.
- 1912 г. в книгоиздательстве «Знание» вышел роман «Губернатор».
- 1913г. премьера спектакля по пьесе «Торговый дом», постановку осуществил Александринский Императорский театр в Санкт-Петербурге.
- 1915 г. премьера спектакля по пьесе «Осенние скрипки», постановкуосуществил Московский художественный театр подруководством В. Немировичем-Данченко.
- 1917 г. Сургучев И.Д. – комиссар 7-й армии Юго-Западного фронта
- 1919 г. В Ростовском-на-Дону театре состоялась премьера спектакля по пьесе «Осенние скрипки», а типография товарищества «Обновление» в Ростове-на-Дону выпустила брошюру И.Д.Сургучева «Большевики на Ставрополье».
- 1920 г. Илья Сургучев уезжает из России.

- 1921 г. поселился в Праге, сотрудничал с литературными и театральными эмигрантскими кругами.
- 1922 г. постановка в Русском камерном театре в Праге пьес И.Д. Сургучева «Торговый дом» и «Реки вавилонские».
- 1924 г. премьерный спектакль по пьесе И.Д. Сургучева «Рука Бетховена» в Русском театре в Париже.
- 1924 г. Сургучев переехал в Париж.
- 1925 г. писатель становится членом Союза русских писателей и журналистов в Париже.
- 1927 г. в парижском издательстве «Возрождение» вышла книга И.Д. Сургучева «Эмигрантские рассказы».
- 1928 г. в парижском издательстве «Возрождение» выходит роман «Ротонда».
- 1932 г. писатель вошел в состав редакции газеты русских эмигрантов в Китае «Шанхайская заря».
- 1940 г. Сургучев И.Д. вошел в инициативную группу по созданию объединения русских деятелей культуры и искусства
- 1946 г. по пьесе «Осенние скрипки» в Париже снят фильм под названием «Женщина опасного возраста».
- 1949 г. в Париже начал издаваться журнал русской эмиграции «Возрождение», с которым активно сотрудничал И.Д. Сургучев.
- 1953 г. начало сотрудничества писателя с редакцией журнала «Грани».
- 1955 г. сотрудничество с газетой «Русское Воскресение».
- 19 ноября 1956 г. И.Д. Сургучев умер.

Библиографический список литературы.

Произведения И. Д. Сургучева.

1. Сургучев, И.Д. Собрание сочинений: в 7 т. / И.Д. Сургучев; сост. А.А. Фокин. – Ставрополь: Товарищъ, 2013
2. Сургучев, И.Д. Отрывок из книги «Большевики в Ставрополе» / И.Д. Сургучев // Антропологическая проблематика в исторических и литературных источниках Ставрополя:

- хрестоматия / авт.-сост. Е.Н. Атарщикова. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2009. – Ч. III: Публицистика.– 2011.– С. 86-93.
3. Сургучев, И.Д. Бред: рассказ / И.Д. Сургучев // III Сургучевские чтения: творчество И.Д. Сургучева в контексте русской литературы XX века: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (17-20 окт. 2006 г.) / ред.-сост. А.А. Фокин.– Ставрополь: Кн. изд-во, 2006.– С. 385-395.
  4. Сургучев, И.Д. В поезде: рассказ/ И.Д. Сургучев // Ставроп. правда. – 1990. – 13 окт.
  5. Сургучев И.Д. В последний раз: фельетон / И.Д. Сургучев // Северный Кавказ. – 1905. – № 46,17 апр. – С. 3; № 48, 28 апр. – С. 2.
  6. Сургучев, И.Д. Ванькина молитва: рассказы. – Ставрополь: Краев. типография; М.: Центр «ЛР», 2000. – 64 с. – (Писатель и эпоха. XX век. Б-ка писателей Ставрополья для школьников)
  7. Сургучев, И.Д. Гамлет без Офелии / И.Д. Сургучев // Классика в контексте современности: межвуз. сб. науч. работ / Федеральное агентство по образованию РФ, ГОУ ВПО Армавирский гос. пед. ун-т. – Армавир: Армавир.гос. пед. ун-т; Ставрополь: Графа, 2009. – С. 29-34.
  8. Сургучев, И.Д. Из очерка «Город трех праздников» / И.Д. Сургучев // VI Сургучевские чтения: культура Юга России – пространство без границ: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., 29-30 мая 2009 г. / ред. А.А. Фокин, О.И. Лепилкина. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2009.– С. 239.
  9. Сургучев, И.Д. Губернатор (эпизоды из романа) / И.Д. Сургучев // Ставропольеведение / В.Л. Гаазов, Т.К. Чёрная. – М.: Изд. Надыршин, 2010
  10. Сургучев, И.Д. Губернатор: повесть, рассказы / И.Д. Сургучев; вступ. ст. А.М. Кузнецова.– М.: Современник, 1987. – 477 с., портр. – (Из наследия).
  11. Сургучев, И.Д. Губернатор: повесть / вступ. ст. Л.Г. Огудиной. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1983. – 238 с.
  12. Сургучев, И.Д. Детство императора Николая II / И.Д. Сургучев.– СПб: Царское дело, 2013. – 224 с.: ил.
  13. Сургучев, И.Д. Детство императора Николая II: повесть. – М., 1993. – 49 с.
  14. Сургучев, И.Д. Золото : рассказ / И. Д. Сургучев // Чудеса и приключения.– 2019.– № 4.– С. 88–93 : ил

15. Сургучев, И.Д. Китеж: рассказ // Ставропольский хронограф на 1996 год: библиогр. указ.лит. – Ставрополь, 1996. – С. 208-214
16. Сургучев, И.Д. Дядя Митя (Памяти Д. И. Евсеева): рассказ / И.Д. Сургучев // VI Сургучевские чтения: культура Юга России – пространство без границ: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., 29-30 мая 2009 г. / ред. А.А. Фокин, О.И. Лепилкина. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2009. – С. 4.
17. Сургучев, И.Д. Еленучча: повесть / И.Д. Сургучев // Литературное Ставрополье: альманах / гл. ред. В.П. Бутенко. – Ставрополь: Юрсит, 2012. –№ 2. – С. 11-60.
18. Сургучев, И.Д. Иван Наумов; Австрийские окопы; Без заграничного паспорта; Несчастный день; Любовь; Муравьи: рассказы / И.Д. Сургучев // Литературное Ставрополье: альманах / гл. ред. В.П. Бутенко.– Ставрополь: Юрсит, 2014. –№ 3.– С. 213-266.
19. Сургучев, И.Д. Из дневника гимназиста / И.Д. Сургучев // Северный Кавказ. – 1898. – № 109(1354), 15 сент. – С. 2; № 110(1355), 17 сент. – С. 2; № 111(1356), 19 сент. – С. 2; № 113(1358), 24 сент. – С. 2-3; № 115(1360), 29 сент. – С. 2-3.
20. Сургучев, И.Д. К морю: (путевые впечатления) / И.Д. Сургучев // Северный Кавказ. – 1905. – № 97, 23 авг. – С. 2.
21. Сургучев, И.Д. Как иногда увлекаются / И.Д. Сургучев // Северный Кавказ. – 1905. – 24 сент.
22. Сургучев, И.Д. Карты (из цикла «Миниатюры») / И.Д. Сургучев // VI Сургучевские чтения: культура Юга России – пространство без границ: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., 29-30 мая 2009 г. / ред. А.А. Фокин, О.И. Лепилкина. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2009.– С. 157.
23. Сургучев, И.Д. Кающийся бес: рассказ / И.Д. Сургучев // Грани / гл. ред. Л. Ржевский. – Посев, 1953. –№17. – С. 7-18.
24. Сургучев, И.Д. Китеж: рассказ / И.Д. Сургучев // Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет / ред. В.А. Шаповалов. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2007. – С. 528-530.
25. Сургучев, И.Д. Мельница: повесть / И.Д. Сургучев // Литературное Ставрополье: альманах / гл. ред. В. П. Бутенко. – Ставрополь: Юрсит, 2010. –№ 4. – С. 9-178.
26. Сургучев, И.Д. Мессина: рассказ / И.Д. Сургучев // VI Сургучевские чтения: культура Юга России – пространство без границ: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., 29-30 мая

- 2009 г. / ред. А.А. Фокин, О.И. Лепилкина. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2009. – С. 159-161.
27. Сургучев, И.Д. Мой город; Неиспользованная тема; Страдивариус; Четырнадцать стариков; Правнук Петра Великого: рассказы / И.Д. Сургучев; подгот. А.А. Фокин // Литературное Ставрополье: альманах / гл. ред. В.П. Бутенко. – Ставрополь: Юрсит, 2015. – № 2. – С. 65-156.
28. Сургучев, И.Д. Неудавшаяся жизнь: рассказ / И.Д. Сургучев // Северный Кавказ. – 1898. – № 83. – 16 июля. – С. 2.
29. Сургучев, И.Д. Николай II: Детство императора Николая II: повесть; Грех у двери (Петербург): роман; Николай Романов – последний царь: ист. наброски: сборник / И.Д. Сургучев, В.А. Вонлярлярский, Л.Г. Жданов; сост. И.В. Новиков. – М.: Армада, 1995. – 523 с. – (Романовы. Династия в романах)
30. Сургучев, И.Д. Ночь: роман / И.Д. Сургучев // Литературное Ставрополье: альманах. – 2011. – № 1; № 2; №3.
31. Сургучев, И.Д. Из цикла «Парижский дневник» / И.Д. Сургучев // VI Сургучевские чтения: культура Юга России – пространство без границ: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., 29-30 мая 2009 г. / ред. А.А. Фокин, О.И. Лепилкина. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2009. – С. 109, 113, 119, 121, 168, 239.
32. Сургучев, И.Д. Первый час: рассказ / И.Д. Сургучев // Сургучевские чтения: «Ставропольский текст» в литературе, истории и науке: сб. материалов 5-й Междунар. науч.-практ. конф. (27-28 февр. 2008 г.) / ред. А.А. Фокин. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2008. – С. 5-14.
33. Сургучев, И.Д. Письма с иностранными марками: пьеса в 4 действиях с прологом / И.Д. Сургучев // Литературное Ставрополье: альманах / гл. ред. В.П. Бутенко. – Ставрополь: Юрсит, 2013. – № 3. – С. 15-94.
34. Сургучев, И.Д. Письмо о Ставрополе / И.Д. Сургучев // Антропологическая проблематика в исторических и литературных источниках Ставрополья: хрестоматия / авт.-сост. Е.Н. Агарщикова. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2009. – Ч. III: Публицистика. – 2011. – С. 84-86.
35. Сургучев, И.Д. Письмо Перикола: рассказ / И.Д. Сургучев // IV Сургучевские чтения: Локальная литература и мировой литературный процесс: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (14-16 сент. 2007 г.) / ред. А.А. Фокин. – Ставрополь: Кн. изд-во, 2007. – С. 103-112.

36. Сургучев, И.Д. Плащаница (из цикла «Миниатюры») / И.Д. Сургучев // VI Сургучевские чтения: культура Юга России – пространство без границ: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., 29-30 мая 2009 г. / ред. А.А. Фокин, О.И. Лепилкина. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2009. – С. 170-171.
37. Сургучев, И.Д. Посвящение: повесть / И.Д. Сургучев // Литературное Ставрополье: альманах / гл. ред. В.П. Бутенко. – Ставрополь: Юрлит, 2014. – № 1. – С. 183-244.
38. Сургучев, И.Д. Прихожане прелестной Мариэтты: рассказ / И.Д. Сургучев // Ставроп. правда. – 2003. – 14 марта. – С.4
39. Сургучев, И.Д. Пятнадцать клеветов / И.Д. Сургучев // Северный Кавказ. – 1898. – № 140, 26 нояб. – С. 2.
40. Сургучев, И.Д. Реки Вавилонские: пьеса/ И.Д. Сургучев // Литература русского зарубежья. Т. 1, кн. 1. – М., 1990. – С. 255-290
41. Сургучев, И.Д. Ротонда: роман из жизни эмиграции / И.Д. Сургучев. – Париж: Возрождение, 1928. – 320 с.
42. Сургучев, И.Д. С моря / И.Д. Сургучев // Северный Кавказ. – 1905. – № 102, 3 сент. – С. 2-3.
43. Сургучев, И.Д. Северный Кавказ / И.Д. Сургучев // Сургучевские чтения – 2006. Илья Сургучев – человек и писатель: сб. материалов науч.-практ. конф. (28 февр. – 2 марта 2006 г.) / отв. ред. А.А. Фокин. – Ставрополь: Кн. изд-во, 2006. – С. 224-229.
44. Сургучев, И.Д. Следы вчерашнего: рассказ / И.Д. Сургучев // Современник. – 1913. – № 1. – С. 96-102.
45. Сургучев, И.Д. Страдивариус: рассказ / И.Д. Сургучев // Сургучевские чтения: «Ставропольский текст» в литературе, истории и науке: сб. материалов 5-й Междунар. науч.-практ. конф. (27-28 февр. 2008 г.) / ред. А.А. Фокин. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2008. – С. 257-275.
46. Сургучев, И.Д. Студенческие годы / И.Д. Сургучев // VII Сургучевские чтения: Культура провинции: локальный и глобальный контекст: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., 21-22 мая 2010 / ред. А.А. Фокин, О.И. Лепилкина. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. – С. 290-299.
47. Сургучев, И.Д. Трешница: рассказ / И.Д. Сургучев // III Сургучевские чтения: творчество И.Д. Сургучева в контексте русской литературы XX века: сб. материалов Междунар. науч.-

- практ. конф. (17-20 окт. 2006 г.) / ред.-сост. А.А. Фокин. – Ставрополь: Кн. изд-во, 2006. – С. 4-15.
48. Сургучев, И.Д. Трешница: рассказ / И.Д. Сургучев // Северный Кавказ. – 1898. – № 41, 9 апр. – С. 2; № 45, 18 апр. – С. 2; № 46, 21 апр. – С. 2.
49. Сургучев, И.Д. «Трубы лета, скрипки осени...». Преддверие. Следствие: рассказы / И.Д. Сургучев, Т.Н. Ильинская // Ставрополье. – 1991. – № 1. – С. 8-35
- 50 Сургучев, И.Д. Церковь дворца / И.Д. Сургучев // Живоносный родник : литературно-художественный сборник о православии. – Ставрополь : ; Кемерово : Технопринт, 2019-. - Ч. 1 : Будем, как дети.– 2019.– С. 15-17 : фото.
51. Сургучев, И.Д. Черная тетрадь: повесть / И.Д. Сургучев // IV Сургучевские чтения: Локальная литература и мировой литературный процесс: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (14-16 сент. 2007 г.) / ред. А.А. Фокин. – Ставрополь: Кн. изд-во, 2007. – С. 6-51.
52. Сургучев, И.Д. Чёрная тетрадь: повесть / И.Д. Сургучев // Литературное Ставрополье: альманах / гл. ред. В.П. Бутенко. – Ставрополь: Юрсит, 2007. –№ 2.– С. 10-61.

Произведения И.Д. Сургучева о Ставрополе.

1. Сургучев, И.Д. Отрывок из книги «Большевики в Ставрополе» / И.Д. Сургучев // Антропологическая проблематика в исторических и литературных источниках Ставрополя: хрестоматия / авт.-сост. Е.Н. Атарщикова. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2009. – Ч. III: Публицистика. – 2011. – С. 86-93.
2. Сургучев, И.Д. Ванькина молитва: рассказы / И.Д. Сургучев. – Ставрополь: Ставроп. краев. тип., 2000. – 64 с. – (Б-ка писателей Ставрополя для школьников)
3. Сургучев, И.Д. Ванькина молитва: рассказ / И.Д. Сургучев // Журнал для всех. – 1905. – № 6.
4. Сургучев, И.Д. Губернатор: эпизоды из романа / И.Д. Сургучев // Ставропольеведение / В.Л. Гаазов, Т.К. Чёрная. – М.: Изд. Надыршин, 2010.
5. Сургучев, И.Д. Губернатор: отрывок из повести; Письмо; Ванькина молитва / И.Д. Сургучев // Антропологическая проблематика в исторических и литературных источниках Ставрополя: хрестоматия / авт.-сост. Е.Н. Атарщикова. –

- Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2009. – Ч. II: Проза. – 2010. – С. 200-241.
6. Сургучев, И.Д. Губернатор: повесть, рассказы / И.Д. Сургучев; вступ. ст. А.М. Кузнецова. – М.: Современник, 1987. – 477 с., портр. – (Из наследия).
  7. Сургучев, И.Д. Губернатор: повесть / И.Д. Сургучев; вступ. ст. Л.Г. Орудиной. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1983. – 238 с.
  8. Сургучев, И.Д. Губернатор: повесть / И.Д. Сургучев // Сборник товарищества «Знание» за 1912 год. – СПб, 1912. – Кн. 39. – С. 1-260.
  9. Сургучев, И.Д. Дядя Митя (Памяти Д. И. Евсеева): рассказ / И.Д. Сургучев // VI Сургучевские чтения: культура Юга России – пространство без границ: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., 29-30 мая 2009 г. / ред. А.А. Фокин, О.И. Лепилкина. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2009. – С. 4.
  10. Сургучев, И.Д. Дядя Митя: рассказ / И.Д. Сургучев // Северокавказский край. – 1915. – № 127. – 13 июня.
  11. Сургучев, И.Д. Китеж: рассказ / И.Д. Сургучев // Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет / ред. В.А. Шаповалов. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2007. – С. 528-530.
  12. Сургучев, И.Д. Китеж / И.Д. Сургучев // Возрождение. – 1956. – № 53.
  13. Сургучев, И.Д. Письмо о Ставрополе / И.Д. Сургучев // Антропологическая проблематика в исторических и литературных источниках Ставрополья: хрестоматия / авт.-сост. Е.Н. Атарщикова. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2009. – Ч. III: Публицистика. – 2011. – С. 84-86.
  14. Сургучев, И.Д. Письмо о Ставрополе: очерк / И.Д. Сургучев // Донская волна. – 1919. – № 3, 13 янв.
  15. Сургучев, И.Д. Родители: рассказ / И.Д. Сургучев // Возрождение. – 1934. – № 3203. – С. 3-4; № 3204. – С. 3.
  16. Сургучев, И.Д. Из очерка «Северный Кавказ» / И.Д. Сургучев // VI Сургучевские чтения: культура Юга России – пространство без границ: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., 29-30 мая 2009 г. / ред. А.А. Фокин, О.И. Лепилкина. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2009. – С. 36.
  17. Сургучев, И.Д. Северный Кавказ / И.Д. Сургучев // Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет / ред. В.А. Шаповалов. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2007. – С. 531-532.

18. Сургучев, И.Д. Северный Кавказ / И.Д. Сургучев // Сургучевские чтения – 2006. Илья Сургучев – человек и писатель: сб. материалов науч.-практ. конф. (28 февр. – 2 марта 2006 г.) / отв. ред. А.А. Фокин. – Ставрополь: Кн. изд-во, 2006. – С. 224-229.
19. Сургучев, И.Д. Северный Кавказ / И.Д. Сургучев // Возрождение. – 1956. – № 59.

Литература о жизни и творчестве И. Д. Сургучева

1. Николаев Д.Д. Сургучев Илья дмитриевич, прозаик, драматург // Русские писатели 20 века: биограф словарь. – М., 2020. – С.672.
2. Сургучёв в Париже // Ставроп. правда. – 2017. – 8 сент.
3. Alma mater на Архиерейском // Ставроп. правда – 2016. – 16 дек.
4. Сургучевские места Ставрополя: где родился и вырос писатель // Ставроп. правда» - 2016. - 14 дек.
5. Сургучевские чтения прошли в Ставрополе // Веч. Ставрополь. – 2016. – №36, 2 марта
6. Калугина, К. Илья Сургучев: факты биографии на страницах архивных документов / Р. Кияшко, К. Калугина // Веч. Ставрополь. – 2015. – 12 нояб.
7. Гаврилюк, С. Ставрополь Сургучева: долгий путь домой: XI Сургучевские чтения / С. Гаврилюк // Веч. Ставрополь. – 2014. – № 39, 4 марта. – С. 6.
8. Парфенов, О. Остался русским, каким и родился: архив земляка и писателя Ильи Сургучёва вернулся в Ставрополь / О. Парфенов // Открытая газета. – 2013. – № 43, 6 окт. – С. 24-25.
9. Егорова, Л. П. Илья Сургучев / Л. П. Егорова // История литературы Ставрополья. XX ВЕК. – Ставрополь, 2012. – С. 91-142.
10. Парфенов, О. Прочитать Сургучева должен каждый губернатор: интервью с профессором кафедры истории новейшей отечественной литературы Ставроп. гос. ун-та А.Фокиным о творческом наследии ставропольского писателя / О. Парфенов // Открытая. – 2012. – №9, 7-14 марта. – С. 18-10
11. Очерки жизни и творчества И.Д. Сургучева // Русская литература Северного Кавказа. – 2011. – С. 65-76

12. «Живописец души...»: русский писатель и драматург И.Д. Сургучев: биобиблиогр. указ. / сост. А.А. Фокин, Т.Н. Ильинская, Т.Ю. Кравцова, М.В. Агаркова, Т.А. Мишукова; отв. ред. А.А. Фокин; Ставроп. гос. ун-т, Ставроп. гос. краев. универс. науч. б-ка им. М.Ю. Лермонтова. – Ставрополь, 2011. – 261 с.
13. VI Сургучевские чтения: Культура юга России – пространство без границ: сборник материалов Международной научно-практической конференции / ред. А. Фокин, О. Лепилкина. – Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2009. – 244 с.
14. Наумова, Т.С. Пространство и жизненный мир города Ставрополя в произведениях И.Д. Сургучева / Т.С. Наумова // Прозрителевские чтения. Вып.4. – Ставрополь, 2010.
15. Черная, Т.К. Илья Дмитриевич Сургучев // Ставропольеведение. – М., изд-во Надыршина, 2010. – С. 539-542.
16. IV Сургучевские чтения: Локальная литература и мировой литературный процесс: сборник материалов научно-практической конференции / ред. и сост. А.А. Фокин. – Ставрополь: Кн. изд-во, 2007. – 384 с.
17. III Сургучевские чтения: Творчество И.Д. Сургучева в контексте русской литературы XX века: сборник материалов научно-практической конференции / ред. и сост. А.А. Фокин. – Ставрополь: Кн. изд-во, 2006. – 400 с.
18. Сургучевские чтения 2006: Илья Сургучев человек и писатель: сборник материалов / отв. ред. А.А. Фокин. – Ставрополь: Кн. изд-во, 2006. – 232 с.
19. Блохин, Н. Вспоминая с любовью... / Н. Блохин // Кавказ.здравица. – 2006. – 18, 25 марта, 1 апр.
20. Громова, Е. Аще забуду тебя, Иерусалиме!.. / Е. Громова // Ставроп. правда. – 2006. – 3 февр. – С. 3.
21. Иванова, Е. Слово, рожденное любовью / Е. Павлова // Веч. Ставрополь. – 2006. – 25 февр. – С. 5.
22. Павлова, Е. «Страшно важно... быть правильно понятым»: в МОУ СОШ № 4 прошел семинар на тему «Проблемы преподавания регионального компонента в школе. Творчество И.Д. Сургучева в школьной и вузовской практике» / Е. Павлова // Веч. Ставрополь. – 2006. – 19 окт.
23. Илья Сургучев прославил Кавказ на всю Европу // Комс. правда: На Сев. Кавказе. – 2006. – 19-26 окт. – С. 3(19).

24. Прайсман, Л. Сургучев возвращается / Л. Прайсман // Ставроп. правда. – 2006. – 15 сент. – С. 3.
25. Селунская, И. Воскрешение «Китежа» / И. Селунская // АиФ: Сев. Кавказ. – 2006. – № 11, март. – С. 6
26. Сидорченко, Т.В Ставрополе открывается музей Ильи Сургучева / Т.В. Сидорченко // Комс. правда: На Сев. Кавказе. – 2006. – 17окт. – С. 7.
27. Фокин, А.А. Илья Дмитриевич Сургучев. Проблемы творчества / А.А. Фокин. – Ставрополь: СГУ, 2006. – 368 с.: ил.
Ильинская, Т.Н. Скрипок осенних протяжное пенье... - М., Полиграф-сервис, 2005. – 68с.
28. Беликов, Г. «Душа его с Россией не рассталась» / Г. Беликов // Лит. Ставрополье. – 2005. – № 1. – С. 152-171.
- 29 «Трубы лета, скрипки осени...» (вехи жизни и творчества И.Д. Сургучева): метод.рек. – Ставрополь: КУНБ, 2005. – 4 с.
30. Ивановский, В. Бытоописатель и летописец в одном лице // Ставроп. губ. ведомости. – 2005. – 27 авг. – С. 5
31. Ивановский, В. Ностальгия Ильи Сургучева: Ясеновская– одна из старых улиц города, связанная с Сургучевым / В. Ивановский // Веч. Ставрополь. – 2005. – 17 авг. – С. 4.
32. Крапивин, В. По ком плачут осенние скрипки / В. Крапивин // Кентавр. – 2004. – № 4.
33. Загайнова, М. И тихий домик на Ясеновской // Ставроп. правда. – 2001. – 2 марта. – С. 3.
34. Литература Ставрополя первой четверти XX века. И.Д. Сургучев «Губернатор» // Ахвердова, Е. И. Литературная жизнь Ставрополя. – Ставрополь, 2001. – С. 59-65.
35. На рубеже веков: Личности, которые внесли вклад в жизнь Ставропольского края на рубеже веков // Ставроп.– Юг. – 2001. – № 5-6. – С. 2-4.
36. Громова, Е. Илье Сургучеву грозила 1040-я статья / Е. Громова // Ставроп. правда. – 2000. – 19 мая. – С. 3
37. Марченко, Т.Н. Сургучев // Литература русского зарубежья. 1920-1940 / Т.Н. Марченко, Д.Д. Николаев. Вып. 2. – М., 2000. – С. 85 – 116.
38. Водолажская, В. «Прикосновением сердца...»: о ставропольском писателе Илье Сургучеве / В. Водолажская // Ставроп. правда. – 1996. – 3 дек.

39. Кругов, А.И. Илья Дмитриевич Сургучев // Ставропольский хронограф на 1996 год: библиогр. указ.лит. – Ставрополь, 1996. – С. 48-55.
40. Душа его с Россией не рассталась: Сургучевские чтения – 94: библиогр. и метод.материалы / Ставроп. краев. науч. б-ка им. М.Ю. Лермонтова. – Ставрополь, 1994. – 17 с.
41. Беликов, Г. Париж – «город-светоч», миллион огней // Ставроп. правда. – 1995. – 12 янв.
42. Кузнецов, А. Сургучёв обещает немало / А. Кузнецов // И.Д. Сургучёв «Губернатор». — М.: Современник, 1987. — (Из наследия)
43. Орудина, Л. «Губернатор»: Перелистывая страницы старых книг // Ставрополье. – 1982. – № 1. – С. 60 – 70.
44. Сургучев, Илья Дмитриевич: библиогр. материалы // История русской литературы конца XIX – начала XX века: библиогр. указ. – М.; Л., 1963. – С. 393-39
45. Сургучев, И.Д. // Владиславлев М. В. Русские писатели: опыт библиогр. пособий по новейшей русской литературе. – Л., 1924. – С. 409.

